

МАРИЯ РОСС

КОСМОС

ПОМНИТ НЕ НАС

Мария Росс

Космос помнит не нас

«Автор»

2026

Росс М.

Космос помнит не нас / М. Росс — «Автор», 2026

Девять лет назад исследовательский корабль «Шёпот» исчез у Керна. Среди пропавших был Арсен Вейл - брат Неры, специалиста по анализу сигналов колонии Эврида. Теперь приборы фиксируют невозможное: из области, где погиб «Шёпот», приходит странный повторяющийся ритм. А система расшифровки превращает его в знакомый голос. Голос Арсена. Но чем глубже Нера погружается в данные, тем труднее понять, что она действительно слышит: послание из темноты, отражение давно исчезнувшего корабля или собственную память, которой машина научилась придавать форму. Тем временем к Эвриде приближается мощный магнитный выброс, защитная система начинает вести себя непредсказуемо, а в старых архивах обнаруживаются решения, о которых кто-то предпочёл забыть. Чтобы спасти колонию, Нере придётся отделить факты от красивых объяснений и решить, что важнее: сохранить прошлое любой ценой или защитить тех, кто всё ещё жив. Обложка: изображение, созданное ИИ (лицензия)

© Росс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Частота Арсена	5
Пустая частота	11
Восемьдесят три часа	18
Другая шкала	26
Три версии	33
Слепое чтение	42
Отстыковка	49
Окно между лучами	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мария Росс

Космос помнит не нас

Частота Арсена

Нера подтянула к краю стола калибровочную рейку и совместила её метку с тонкой белой риской на корпусе монитора.

— Три десятых влево, — пробормотала она, поворачивая регулировочное кольцо.

Базовая линия дрогнула и легла ровно. В обсерватории пахло горячей пылью от старого блока питания и крепким кофе: утром Нера не успела позавтракать и заварила его на глаз, не жалея порошка. Она отпила, поморщилась и поставила кружку на резиновый круг под столом, подальше от сенсорной панели.

Было 07:10 — начало смены. Проверка опорного контура, контроль фонового шума, сверка часов. Скудная часть работы, которая не прощала срезанных углов, особенно возле Керна.

На стенном дисплее медленно вращалась карта системы. Пульсар пульсировал белым пятном, широкая полоса защитного поля Эвриды отбрасывала на планету зеленоватый отсвет. До ожидаемого магнитного выброса оставалось чуть больше четырёх часов. Модель указывала окно в 11:36 с погрешностью в шесть минут. Стрелка прогноза пересекала сектор Лакуны — там поле Керна вело себя хуже всего.

Нера сверила показания двух опорных сенсоров, затем третьего, резервного. Все три держали допустимый разброс. Она внесла цифры в журнал, подписалась и смахнула с сенсорной панели крошку сухой кожи.

На основном графике проступила короткая ступенька — узкий сдвиг между двумя равными участками.

Нера наклонилась к экрану. Отметка мелькнула в полосе координат Лакуны и исчезла прежде, чем система успела окрасить её в тревожный цвет.

Она отодвинула кружку, открыла исходный массив и увеличила масштаб. На одном датчике обнаружилось едва заметное отклонение фазы, на втором — то же самое, с разницей в четыре тысячных секунды. Резервный контур молчал. Нера проверила питание, температуру линзы, влажность в кожухе и положение платформы. Всё оставалось в пределах нормы.

Она прокрутила запись на две минуты назад. Ступенька не повторилась.

— Ладно, — пробормотала Нера.

Она подключила резервный канал напрямую, минуя общий фильтр. На экране застыл почти плоский спектр, по нижнему краю полз тонкий серый шум. Нера сняла фильтр по частоте, вернула его, поменяла окно усреднения. Отклонение возникло снова — слабое, упрямое, как заноза под ногтем.

До предвестника выброса было ещё слишком рано. По расчётам, магнитная оболочка Керна начнёт срываться не раньше одиннадцати двадцати. Гравитационный монитор иногда ловил слабые возмущения задолго до основной вспышки, но за четыре часа до неё — никогда, тем более в этом секторе. Впрочем, «никогда» в работе с Керном означало всего лишь «не при моём дежурстве».

Нера вытянула из-под консоли механическую клавиатуру. Её не подключали к колониальной сети: тугие клавиши годились для пометок, которые нельзя было случайно перезаписать очередным обновлением протокола.

Она вручную задала временной диапазон. Данные за последние шестьдесят секунд вернулись на экране крупнее. Сдвиг повторился дважды. Между импульсами выдерживалась пауза; третий был слабее.

Нера сняла очки, потёрла переносицу костяшкой пальца и снова надела их. В правом виске стучала кровь. Кофе тут был ни при чём — разве что делал стук заметнее.

На карточке прогноза по-прежнему значилось: 11:36 ± 00:06.

На карточке измерений: первый сдвиг — 07:12:44.

Она вызвала сырой поток из Лакуны. Строки импульсов побежали вниз, зернистые, как след на старой плёнке. Ни слов, ни мелодии — только изменения фазы, интервалы и слабые провалы между ними. Рисунок казался слишком сложным для помехи и слишком скудным, чтобы понять, что именно он значит.

Нера сохранила фрагмент в локальную память станции, присвоила ему нейтральный номер и запретила системе сводить его с предыдущими наблюдениями. Отдельный образец, без сглаживания и удобных совпадений.

Часы на панели показывали 07:17.

Она запустила личный декодер.

Пакет открывался долго. Нера собрала его сама на основе системы Орта, убрав большинство автоматических подсказок и оставив только те инструменты, которые понимала. Старик называл это «вычесать сигнал из шума». Она предпочитала знать, откуда берётся каждый ответ, вместо того чтобы доверять машине, способной подменить его красивой картинкой.

На экране возникли три слоя: спектральный, временной и голосовой. Последний был отключён ещё с прошлой смены — Нера проверяла настройки перед уходом.

И всё же, когда декодер закончил первый проход, динамик тихо щёлкнул.

— Шёпот, третья линия чистая.

Нера замерла.

Голос прозвучал чисто, без помех и привычного металлического дребезга, который декодер обычно добавлял к шуму. Мужской, спокойный, чуть хриплый на последнем слове. Обычная фраза из рабочей связи: короткая, будничная, будто говорящий лишь проверял канал перед тем, как продолжить маршрут.

Нера потянулась к регулятору громкости, но пальцы не сразу нашли его. Она задела край кружки. Кофе плеснул на резиновый круг, несколько капель перелетели на столешницу.

Она вытерла их рукавом, не глядя.

На панели горел жёлтый значок голосового слоя.

Нера развернула настройки. Параметр включился не вручную, а восстановился из локального профиля. Рядом стояла метка: `Veyl_A / matching reference`.

Девять лет назад она сама добавила этот голосовой образец, пытаясь отделить записи «Шёпота» от множества похожих сигналов экспедиции. Образец предназначался для сравнения тембра, а не для создания голоса. Однако декодер воспользовался им, чтобы превратить особенности импульсов в слова, а слова — в узнаваемую интонацию.

Нера смотрела на метку, пока буквы не начали расплываться.

— Не ты, — тихо сказала она.

За стеной без устали работала вентиляция. Холодный воздух обдувал шею, но под воротником выступил пот.

Она отключила звук и открыла протокол обработки. Декодер пометил фразу как реконструкцию с низкой уверенностью. Индекс фонетического совпадения — 0,38; для чистого распознавания требовалось не меньше 0,72. Индекс соответствия голосовому профилю — 0,91.

Нера закрыла карточку прежде, чем успела прочесть дальше.

Она могла удалить вывод, сбросить профиль и начать заново. Самый аккуратный и разумный вариант. Но в сыром потоке оставалась пауза между двумя группами импульсов, а голос, каким бы способом он ни возник, назвал позывной.

Нера открыла журнал экспедиции. Архив «Шёпота» хранился в локальном хранилище обсерватории среди копий, перенесённых сюда после исчезновения корабля. Официальный отчёт был краток и ровен: потеря связи, сбой поля, безуспешная попытка восстановить контакт. Сырые вызовы остались в приложении. За девять лет Нера слушала их столько раз, что знала: архивный файл задержится на полсекунды перед воспроизведением.

Она выбрала короткий тестовый вызов, записанный за три дня до исчезновения. В нём не было тревоги и спешки. Арсен проверял связь с колонией и посреди фразы отвлёкся на приборы.

Звук пошёл через наушники.

— Шёпот — Эврида. Проверка канала. У меня...

Пауза.

— ...третья линия чистая.

Нера сняла наушники.

Она не помнила точных слов, но помнила привычку брата задерживаться между вызовом и ответом, словно он сперва прислушивался, не заговорил ли кто-нибудь в тишине. Пауза была необычной: слишком длинной для связи, слишком короткой для помехи. В старых записях она повторялась. В среднем — 1,63 секунды между вызовами, иногда на сотую больше или меньше.

Нера открыла временную разметку нового сигнала.

Пауза длилась 1,63 секунды.

Она не шевелилась. На экране рядом стояли два числа — архивная запись и импульс из Лакуны. Точное совпадение до сотой.

Остаток фразы всё ещё звучал в наушниках. Нера положила их на стол, стараясь не думать о том, как нагрелись амбушюры.

За стеклом обсерватории день медленно заливал купол серым светом. Эврида лежала под ним, большая часть колонии скрывалась за ребристой оболочкой защитного массива. На краю видимого сектора мигали служебные огни лифтовых шахт. Нера знала, что дежурные бригады меняют фильтры в насосных, что в теплицах включается первый цикл полива, что люди просыпаются по расписанию, составленному не по солнцу, а по работе систем.

Она знала и другое: когда уставала, память подсовывала ей Арсена даже в звуке вентилятора.

Нера закрыла архивную запись, затем снова открыла. Сопоставила импульсный контур с фонетической разметкой, убрала метки слов, оставила временную сетку. Совпадение сохранилось, хотя голосовой профиль всё ещё участвовал в модели.

Она отключила его и запустила обработку заново.

Декодер вернул серую полосу импульсов и два неразборчивых акустических фрагмента: один мог быть вызовом, второй — обычным шумом. Ни «Шёпота», ни третьей линии. Нера медленно выдохнула, чувствуя, как отпускают плечи, и тут же разозлилась на себя за облегчение.

Она снова подключила профиль, но запретила синтезировать голос. Теперь программа должна была только подсветить совпадающие интервалы, не добавляя к ним тембр и слова.

Результат оказался хуже прежнего. Прямое сходство с архивной записью не поднималось выше 0,41. Форма импульсов тоже расходилась с обычной связью «Шёпота»: у старого вызова были чёткие начала и затухающие окончания, характерные для стандартного маяка. Из Лакуны приходили две короткие группы, провал, третья группа и длинная пауза.

Совпадала только она.

Нера приблизила спектр, отметила сходство, но не поставила галочку «идентификация источника». Курсор повис над ней, дрогнул от лёгкой вибрации стола и ушёл в сторону.

— Не торопись, — сказала она себе.

На часах было 07:31.

Она сохранила обе версии — первичную, с голосовым слоем, и повторную, без него. Рядом с файлом поставила красный флажок «обработка спорная». Бумажную заметку прижала у края клавиатуры тяжёлой металлической клипсой, чтобы та не соскользнула с наклонного стола.

Нера открыла панель независимых систем обсерватории: гравитационный монитор, аварийный маяк, генератор резервного питания, систему ориентации купола. Если отклонение появилось только в основном контуре, виноват мог быть сенсор. Если сигнал уже проник в питание, общий узел мог подмешивать одну и ту же помеху во все каналы.

В телеметрии маяка нашлась короткая задержка, совпавшая по времени с первым импульсом. Резервный генератор показал провал частоты вращения на две тысячных секунды. Система ориентации купола зарегистрировала микрокоррекцию, хотя платформа оставалась неподвижной.

Нера встала. Стул отъехал, колёсико упёрлось в кабель, и она качнулась, удержавшись за стол. Под рёбрами кольнуло — то ли от крепкого кофе, то ли от трёх новых отметок в диспетчерской схеме.

Она обошла стол и подключила независимый датчик к ручному считывателю. Маленький экран вспыхнул необработанными данными. Старый прибор не умел сглаживать сигнал и не хранил голосовых профилей. Нера не любила его медлительность; сейчас именно за неё и выбрала считыватель.

Пульсирующая линия дрогнула. Потом снова.

Короткий импульс. Второй — через восемь десятых. Третий — через две целых одну десятую.

Нера коснулась экрана пальцем, словно могла удержать отметки на месте.

Ручной прибор был полностью независим от декодера. Он не знал ни имени Вейл, ни архивных записей «Шёпота». И всё же показывал тот же рисунок.

Она вернулась к панели и открыла сводку телеметрии колонии. Потоки, которые обычно проверяла только при аварии: циркуляция воды в теплицах, подъёмник восточного сектора, насосы медицинского блока, автономные маяки у внешнего кольца. Нера не сводила их в один график — общий фильтр мог превратить разные данные в одинаковую картинку. Она запросила необработанные временные ряды по отдельности.

Тепличный насос выдал два коротких перепада давления, затем длинную паузу. В подъёмнике нагрузка едва заметно подскочила, выдержала промежуток и повторилась слабее. В медицинском контуре дрожал поток охлаждающей жидкости — слишком ровно для случайного сбоя. Маяки внешнего кольца показали просадку питания и три импульса.

На экране рассыпалась карта Эвриды. Маленькие точки вспыхивали одна за другой, каждая с собственной задержкой. Нера увеличила интервалы. Разница между первыми импульсами почти совпадала с расстояниями от узлов до защитного массива — почти, но не совсем.

Она проверила служебную синхронизацию. Часть датчиков получала время от центрального тактового узла, часть — от собственных кварцевых опор. Некоторые системы могли делить общую электрическую помеху; остальные были изолированы. Однако в каждой записи проступала одна последовательность. Менялась её форма, менялся темп, но отдельные механизмы будто отвечали на один толчок.

— Частотная наводка? — спросила Нера у пустой комнаты.

Вентиляция продолжала ровно шуршать.

Она измерила шум питания и сопоставила его с отметками на графиках. В общей сети действительно присутствовал слабый низкочастотный дрейф. На колониальных данных его можно было принять за источник повторов, однако сигнал обнаруживался и в автономных системах — там, где питание и часы не зависели от главного контура. В этих записях он звучал тише и приходил позднее.

Нера поднесла к губам чашку, вспомнила, что кофе давно остыл, и всё-таки сделала глоток. Горечь заставила её сморщиться. Она поставила кружку ближе к стене.

Можно было позвонить Севрину Орту. Он создал систему расшифровки и знал, какие фильтры способны «узнать» человеческую речь там, где её нет. Но для звонка требовалось сначала сформулировать, что именно она собиралась ему сообщить: необъяснимый сигнал, похожий на голос пропавшего брата, совпадающую паузу из архивной записи и тот же ритм в насосах по всей колонии. Нера представила, как эти слова сложатся в одну гладкую фразу, и закрыла канал связи.

Она сохранила временные метки и вывела на экран только участки, где декодер не изменял голосовой профиль. Везде повторялось одно и то же: два коротких импульса, промежуток, более длинный, затем тишина. Насосы превращали рисунок в вибрацию, маяки — в скачки питания, гравитационный монитор — в сдвиг фазы.

Нера снова надела наушники и переключилась между каналами. Сухой щелчок. Ещё один. Пауза. Третий, протяжнее.

Каждый поток звучал по-своему, но пауза сохранялась.

Она сняла наушники, и ритм остался в голове. Нера снова надела их: ей нужно было убедиться, что поверх приборного шума она не слышит собственный пульс.

Щёлк, щёлк, пауза, щёлк.

Она вывела запись на внешний динамик и убавила громкость. Никакого голоса — только последовательность импульсов, огрублённая до коротких звуков. Нера запустила запись тепличного насоса, затем маяка, потом резервного генератора.

Потоки звучали по-разному. Пауза оставалась прежней.

За стеной тихо лязгнула водяная труба. Нера замерла, прислушиваясь, и поймала себя на том, что ждёт продолжения. Труба умолкла. Тогда она включила запись ещё раз.

Два коротких импульса. Пауза. Один длинный.

Сухой ритм не был похож на Арсена. В нём не было его насмешливой хрипотцы, нетерпеливой манеры ускорять речь, когда он знал, что собеседник уже всё понял. И всё же пауза из архивной записи оставалась на месте. Убрать её вместе с голосовым слоем Нера не могла.

В 07:49 на главном спектре появился новый участок. Сигнал из Лакуны расширился: несколько узких полос зажглись одна за другой. Нера увеличила изображение. В центре спектра чернела тонкая щель, будто вырезанная по линейке. В этом диапазоне прибор не фиксировал ничего.

Она проверила приёмник: исправен. Переключила канал на резервный. Щель осталась.

По обе стороны от неё продолжали идти временные импульсы. Тот же ритм отмечался на экранах тепличной вентиляции, маяков и насосов, но несущий участок оставался пустым.

Нера убрала ладонь с панели. На коже отпечатались красные квадраты сенсорной сетки.

В 07:56 она запросила повторную запись за весь интервал, начиная с 07:12. Пустая полоса возникла ещё до первого голоса, задолго до того, как декодер восстановил знакомую фразу. Нера расширяла спектр, отсекая участок за участком, пока на экране не остались чёрный провал и тонкие края вокруг него.

В углу пульсировала одинокая метка: NO CARRIER.

На соседнем мониторе тепличный насос снова отбил тот же ритм.

Нера отключила динамик. Точки на карте Эвриды продолжали вспыхивать в тишине.

К 08:00 у неё было две версии голоса Арсена — одна с включённым профилем, другая без него; ни одна не подтверждалась исходной записью. Совпадение паузы, которое могло принадлежать и ему, и алгоритму. Ритм, найденный в разных системах колонии. И полоса частоты, где приборы не фиксировали ничего, хотя импульсы повторялись по обе стороны от неё.

Нера сохранила пустой участок спектра отдельно, не присваивая ему имени.

Курсор мигнул над строкой для комментария. Она напечатала: «Источник не установлен».

Затем удалила слово «источник» и оставила запись пустой.

Пустая частота

Курсор мигнул над пустой строкой. Нера сохранила запись, закрыла окно комментария и защитила исходный спектр от перезаписи.

На экране остались две тонкие полосы импульсов и тёмный промежуток между ними. Метка NO CARRIER всё ещё светилась в углу. Из динамика не доносилось ни звука; даже насос теплицы, прежде пробившийся в систему наблюдения, теперь молчал.

Нера поднялась, прошла к калибровочному шкафу и достала ручной гравиметр. У прибора были собственный аккумулятор, часы и локальный накопитель; к сети Эвриды он подключался только кабелем, который она оставила на столе. Сенсор покоился в тонком сером корпусе и весил чуть больше, чем казался на вид.

Она установила его на изолирующей опоре в углу лаборатории и включила от встроенной батареи. На экране не появился значок соединения. Часы гравиметра отставали на четыре секунды, но для проверки ритма точность общего времени не требовалась: важны были лишь промежутки между импульсами.

Нера открыла сохранённый необработанный фрагмент на отдельном экране и запустила запись на гравиметре.

— Давай, — тихо сказала она.

Прибор работал беззвучно. Прошла минута, за ней — ещё одна. На экране текли мелкие неровности фонового поля: дыхание опоры, дрейф датчика, едва заметное движение конструкции. Нера уже потянулась к настройке чувствительности, когда линия резко поднялась, провалилась и выдала короткий всплеск.

Она замерла, не убирая ладонь от регулятора.

Следом пришёл длинный импульс. Потом — два коротких, причём промежуток между ними оказался почти вдвое меньше, чем между первыми.

Короткий. Длинный. Короткий. Короткий.

Под поверхностью живой линии проступил тот же рисунок, который она только что выделила в записи Лакуны.

Нера отключила автоматическое сглаживание и приблизила шкалу. Гравиметр не передавал ни голоса, ни согласных, ни привычного спектрального следа декодера — только четыре изменения поля и паузу. Но последовательность совпадала с выделенной ею в записи.

Она проверила состояние связи. Кабель по-прежнему лежал в стороне от прибора; сетевого значка не было. Нера провела пальцем по краю разъёма, словно могла нащупать невидимый контакт.

— Значит, ты существуешь, — сказала она прибору.

Через секунду Нера поморщилась: стоило произнести эту фразу, как она уже приготовилась занести её в журнал. Строку она оставила пустой.

Она вызвала Севрина Орта. Тот ответил не сразу; изображение вспыхнуло с задержкой, показав узкое лицо и тёмный ворот рабочего комбинезона.

— Я вижу запрос, Нера.

— Поднимитесь в обсерваторию. Сейчас.

Он всмотрелся в неё, потом перевёл взгляд на гравиметр у неё за плечом.

— Вы нашли ещё один голос?

— Нет. Я нашла прибор, который ничего не знает о голосах.

Севрин помолчал.

— Буду через несколько минут.

К его приходу Нера успела сохранить данные гравиметра на отдельный накопитель. Севрин вошёл с планшетом под мышкой и остановился возле сенсора. О причине вызова он не спросил: сначала проверил индикатор связи, потом осмотрел корпус.

— Автономный?

— Полностью. Не подключён к колониальной шине, не получает время из общей сети. Считывание идёт на локальную память.

— А сам стенд?

— Гравиметр стоит на изолирующей опоре. Вибрацию конструкции отдельно записывает контрольный акселерометр. Она с импульсами не совпадает.

Севрин снял очки и протёр стёкла краем рукава.

— Покажите необработанный файл.

Нера вывела два следа рядом. Старый сигнал занимал верхнюю часть экрана, новая запись мерцала внизу, немного смещённая из-за разницы в часах и чувствительности сенсоров. Севрин наклонился к изображению. Свет экрана подчеркнул морщины у его рта.

— Ритм один и тот же, — сказал он.

— Не называйте их одинаковыми, пока не уточните, что именно совпало.

Он поднял глаза.

— Четыре изменения поля, их порядок и соотношение длительностей. Пауза после четвёртого импульса.

— Хорошо. Это мы наблюдаем. А что из этого следует?

— Второй прибор фиксирует структуру, присутствующую в записи Лакуны.

— Уже лучше.

— Нера, независимое измерение ослабляет гипотезу о дефекте декодера.

— А гипотезу о сообщении?

— Не делает её вероятнее.

Она задержала на нём взгляд. Севрин произнёс это слишком быстро, почти привычно, но голос на последнем слове просел.

Нера наложила трассу гравиметра на спектр. Пики совпали, хотя немного различались по ширине.

— Вот три вещи, которые мы сегодня не будем путать. Гравиметр зарегистрировал изменения поля. Они складываются в повторяющийся рисунок. Декодер предложил слова. Первое подтвердили два независимых прибора. Второе говорит пока лишь о структуре, третье вообще принадлежит переводчику.

— Вы хотите сказать, повторение не раскрывает смысл.

— Я хочу сказать, что оно подтверждает закономерность, но ничего не говорит о её смысле.

Севрин присел к столу, чтобы рассмотреть нижний след. Его ладонь легла на край корпуса гравиметра; заметив, как от касания дрогнула линия контрольного акселерометра, он тут же отнял руку.

— Есть ещё одно обычное объяснение, — сказал он. — Общая причина, которую мы пока не нашли. Полевая наводка. Резонанс внутри конструкции. Воздействие на оба датчика.

— Тогда оно должно затронуть контрольный канал.

— Если проходит не через механическую часть.

— Значит, объяснение уже не такое простое.

— Простое не обязано быть удобным.

Нера не улыбнулась. За последние часы декодер не раз извлекал из помех голоса, которым легко было поверить. Теперь, когда независимый прибор подтвердил сам рисунок, она не хотела, чтобы Севрин укрылся за очередной оговоркой.

Он попросил выгрузить исходный файл без фильтров. Нера создала копию на закрытом накопителе и разрешила ему работать только с ней. Севрин открыл спектральный анализ, повернул изображение на четверть оборота, затем отдельно усилил слабые края провала.

— Здесь есть отражения, — сказал он.

— Они были в предыдущем проходе?

— Нет. Тогда я смотрел несущую, а не временную структуру. — Он провёл пальцем по экрану, не касаясь его. — Три, возможно, четыре. Вот прямой импульс. Этот возвращается с задержкой. Потом второй, длиннее. Третий почти теряется у края.

— Откуда они отражаются?

— Не знаю.

— От массивов Лакуны?

— Они не должны давать такой профиль.

— От защитного поля?

Севрин не ответил сразу. Нера посмотрела на его руки: пальцы замерли над планшетом.

— Отражённые импульсы появляются раньше, чем поле Эвриды начинает менять нагрузку, — произнёс он наконец. — Если данные синхронизированы верно.

— Ты уверен в синхронизации?

— Нет.

Слова прозвучали непривычно просто. Нера приблизила третий отложенный след.

В нём рисунок импульсов будто сжался: длительности изменились, но их соотношение сохранилось. Севрин наложил рядом запись позывного «Шёпота», восстановленную из бортового регистратора.

Нера не сразу поняла, что он делает. Потом увидела: рядом с отражённой структурой появилась звуковая метка из корабельного архива. Частоты и содержание были другими, но ритм последовательности — короткий, длинный, короткий, короткий — совпадал с тем фрагментом позывного, где Арсен произносил название корабля.

Челюсть Неры напряглась.

— Ты сравнил это с позывным.

— Я сравнил интервалы, а не слова.

— И нашёл совпадение.

— Да.

— Почему именно третий отражённый импульс? Почему не любой другой участок из архива?

Севрин снял очки и положил их на стол. Его взгляд остался на экране.

— Я проверил последовательность на трёх записях с «Шёпота». На двух она короче. На одной совпадение близкое. Здесь точнее, если учитывать сжатие.

— «Если учитывать сжатие» — это уже выбор настройки.

— Именно.

— Ты мог подобрать коэффициент под нужный результат?

— Мог.

Он признался без попытки защититься. Нера чуть отступила от экрана.

— Тогда запиши: структура отражённого импульса совпадает с длительностями части архивного позывного при выбранном коэффициенте сжатия. Не «позывной». Не «Шёпот». Не Арсен.

Севрин набрал формулировку в поле заметки и прочитал её вслух, не сглаживая углов.

— Так точнее.

— Так честнее.

Он кивнул, хотя не отрывался от отражения. За стеклом обсерватории мутный утренний свет лёг на купол тонким слоем. Внизу, под обзорным поясом, просыпалась Эврида: служеб-

ные дорожки, вентиляционные шахты, тёмные грядки тепличных модулей. Колония казалась неподвижной — будто её и вправду можно удержать на месте одним удачным расчётом.

— Я не утверждаю, что там Арсен, — сказал Севрин.

— Хорошо.

— Но совпадение достаточно необычное, чтобы его не отбрасывать.

— Оставь его в журнале без имени.

Севрин задержал дыхание, затем вернул очки на переносицу.

— Давайте проверим переводчик.

Нера посмотрела на него.

— На тех же данных?

— Только так и имеет смысл. Сигнал не трогаем, меняем интерпретацию.

Она закрыла окно анализа и вернулась к сохранённой копии. Исходная дорожка оставалась защищена от записи. Декодер работал на отдельном вычислительном блоке; Нера отключила ему доступ к колониальной сети и оставила только локальные языковые корпуса.

— Профиль Арсена загружен? — спросил Севрин.

— Нет. Удалила ещё до твоего прихода.

— Профиль Неры?

Она резко обернулась.

— Откуда ему там взяться?

Севрин не отвёл глаз.

— В языковом пакете есть личные фонетические корпуса. Они влияют на распознавание тембра и восстановление неразличимых фрагментов.

— Я спрашиваю именно о моём.

Он помолчал.

— Есть.

— Ты загрузил мои записи?

— Не я лично. Пакет собрали из архивов специалистов, работавших с системой.

— Ты разрешил?

Севрин опустил взгляд на планшет.

— Да.

Нера сжала край стола; холод поверхности проступил сквозь ладонь.

— Зачем?

— Чтобы улучшить распознавание. Люди с одинаковым языковым фоном произносят сложные термины по-разному. Личные записи помогали модели различать дыхание, ударения, сокращения. Я не ожидал, что она станет использовать архив как источник готовых фраз.

— Но ты разрешил ей использовать записи.

— Да.

Он не оправдывался, и от этого его ответ царапал сильнее. Севрин умел говорить о риске так, словно тот был неподвижной величиной; теперь за его осторожностью обнаружилась не ошибка в настройках, а собственное решение.

Нера открыла сведения о корпусе. Длинный список архивных пакетов распался на папки: полевые переговоры, технические инструкции, учебные симуляции. В одной строке мелькнула метка NV-TR-04.

Она застыла.

— Что это?

Севрин приблизил запись.

— Ваш учебный архив.

— Я не передавала учебные записи в переводчик.

— По метаданным, они попали в общий пакет вместе с ранними образцами речи. Четырнадцать лет назад.

Нера коснулась строки, но не открыла её.

Тогда ей было двадцать. Она проходила курс аварийной телеметрии и училась по нескольким обрывкам восстанавливать положение учебного экипажа. В архиве остались десятки коротких реплик, которые она повторяла в наушник, пока преподаватель не принимал интонацию и порядок действий. Нера давно не слышала этих записей и не помнила, что именно произносила.

— Убери этот корпус, — сказала она.

— Если отключить его сейчас, мы не поймём, как он повлиял на результат.

— Оставь копию отдельно. Из декодера отключи.

Севрин выполнил её просьбу. Нера сохранила состояние системы, сняла метку личного профиля и подала исходный фрагмент на вход.

— Никаких имён, — сказала она. — Никаких бортовых архивов. Сначала чистый прогон.

— Понял.

— И не подсказывай модели контекст.

— Она видит только запись.

Декодер принял сигнал. Полосы на экране перестроились, отсекая шумовые участки. Индикатор уверенности мигнул, задержался на низком значении и опустился ещё ниже.

Нера направила вывод на диагностический динамик. Он оставался выключенным с предыдущего анализа. Она подняла громкость на два деления.

Из динамика вышел женский голос — тонкий, слишком высокий для нынешней Неры, но с тем же коротким вдохом перед первым словом.

— Связь потеряна. Экипаж не подтверждён. Запись не закрывать до обнаружения маяка.

Последний слог рассыпался в помехах.

Нера выключила динамик. В лаборатории снова стало тихо, и теперь она отчётливо слышала собственное дыхание. Севрин не шевелился.

— Это моя запись, — сказала она.

— Да.

— Полная фраза из учебного упражнения.

— Вероятно, модель выбрала её как ближайший шаблон.

— Найди источник вывода.

Севрин открыл журнал работы декодера. На экране появились сухие строки: спектральные опоры, весовые коэффициенты, номер языкового пакета. Он пролистал до метки источника и остановился.

NV-TR-04. Папка аварийной телеметрии. Фрагмент семнадцать.

— Система сопоставила временной рисунок импульсов с ритмом вашей учебной фразы, — сказал он. — Затем использовала саму запись как шаблон для восстановления недостающих участков.

— Она не услышала эти слова.

— Она их предложила.

— Нет. Она взяла мои слова из архива и вернула мне под видом перевода.

— Похоже на это.

Нера открыла учебную запись. Её молодая версия произнесла ту же фразу с паузой после слова «потеряна» и чуть ускорила на последних словах. Синтезированная реплика звучала чище, но дыхание между частями совпадало.

Два разных результата. Один и тот же вход.

Нера запустила короткий повтор без личного корпуса. Декодер не произнёс ничего; на экране появилось: «Ритмическая структура обнаружена. Фонетическая интерпретация неустойчива».

— Теперь отдельно проверь архив «Шёпота», — сказала она. — Без имени Арсена и без его голосового профиля.

Севрин подключил корабельный архив. Модель выдала три слога с низкой уверенностью, затем пометила их как возможный позывной.

Нера не позволила включить звук.

— Останови здесь.

Он отключил архив. Исходная запись снова лежала перед ними, неизменная: два края, тёмный провал и ритм, который уловил независимый гравиметр.

— На каком основании она выбрала именно мою фразу? — спросила Нера.

— Совпали темп и соотношение промежутков. Возможно, повлияла и структура архива: учебные фразы размечены так, чтобы модель достраивала пропуски.

— А если бы в корпусе была другая запись с похожим ритмом?

— Она могла бы выбрать её.

— Значит, содержание зависит от набора вариантов.

— Да.

Нера коснулась экрана там, где располагался тёмный провал, но не стала его увеличивать.

— Гравиметр подтвердил ритм. Слова появились, только когда модель нашла подходящую запись в моём архиве.

Севрин чуть качнул головой.

— Фраза есть в вашем архиве. Но её связь с сигналом создала система.

Он сложил руки на груди. На мгновение его лицо стало старше не на годы, а на усталые десятилетия.

— Я знал, что личные записи влияют на перевод, — сказал он. — Но считал, что они помогают только с особенностями произношения. Не знал, что модель будет извлекать из них готовые реплики.

— Ты скрыл, что они вообще участвовали.

— Да.

— Почему?

— Потому что без них декодер давал меньше восстановленных данных. Я думал, что они нужны только для тембра и акцента.

— А когда увидел голос Арсена?

Севрин вдохнул, будто собирался оправдаться, но передумал.

— Я позволил тебе услышать его раньше, чем проверил происхождение каждого слоя.

— Ты позволил мне назвать его.

— Да.

Нера отвернулась к экрану. Севрин мог бы сказать, что хотел помочь. Наверное, это было бы правдой. Ей самой хотелось услышать именно это объяснение — и оттого она не стала облегчать ему признание.

— Теперь выгрузи корпус из всех активных профилей, — сказала она. — Сохрани журнал того, что он уже успел сделать. Историю не очищай.

— Сделаю.

На соседнем экране вспыхнуло предупреждение. Жёлтая полоса прошла по верхнему краю, за ней появилась оранжевая.

«ЗАЩИТНОЕ ПОЛЕ. ВНЕШНИЙ КОНТУР: РОСТ НАПРЯЖЕНИЯ».

Значение под строкой менялось слишком быстро для обычной коррекции. Севрин подошёл ближе и раскрыл подробный статус.

— Прогноз магнитного выброса по-прежнему на одиннадцать тридцать шесть, погрешность шесть минут, — сказал он. — Для внешней нагрузки слишком рано.

— Насколько выросло?

— Семь процентов за четыре минуты.

На экране гравиметра продолжалась локальная запись. В поле возникали новые импульсы с тем же рисунком. Нера перевела взгляд на предупреждение защитного контура. Напряжение подскочило, задержалось и снова поднялось.

— Сведи эти показатели по времени, — сказала она.

— Совпадение во времени не доказывает причину.

— Я знаю. Просто сведи.

Севрин начал сопоставлять временные ряды. Нера сохранила свежий файл на отдельный накопитель и убрала его во внутренний карман куртки. Сам гравиметр она оставила на опоре: он продолжал запись в собственную память. В предупреждении загорелся второй уровень тревоги.

Они покинули обсерваторию и направились к щиту управления защитным контуром, в технический пояс Эвриды. Севрин шёл впереди быстрее, чем позволял его осторожный шаг. Под ногами дрожали перекрытия — едва заметно, словно от работающих насосов, но теперь Нера невольно прислушивалась к промежуткам между толчками.

До щита оставалось несколько минут по закрытому сервисному коридору. Вдоль стен тянулись кабельные каналы, за узкими стеклянными вставками темнели фермы и трубы. Когда они добрались до панели, за ней уже горели два оранжевых индикатора.

На схеме внешнего поля все сектора оставались в рабочем режиме. Напряжение росло в трёх участках, не соседних друг с другом.

— Здесь не должно быть коррекции, — сказал Севрин. — Возмущение ещё не дошло.

— Откуда данные о возмущении?

Он открыл дополнительный канал. Строки одна за другой обновлялись, но источник нагрузки оставался пустым.

В одном из секторов напряжение коротко дёрнулось. Пауза. Затем последовал длинный скачок, за ним — два коротких.

Нера сразу узнала ритм. Четыре белые отметки вспыхнули на схеме и пропали. Она подняла руку к панели, но остановилась, не коснувшись холодной поверхности.

На экране появился новый статус:

«ИСТОЧНИК НАГРУЗКИ НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

Восемьдесят три часа

Восемьдесят три часа оставалось до расчётного удара, когда в журнал внесли первую утреннюю модель. У самого края экрана стояла отметка 07:10; ниже, рядом с текущим временем — 09:20, — три сектора защитного поля продолжали набирать напряжение.

Нера замерла, не коснувшись панели. Между пальцами и стеклом оставалось несколько сантиметров, но холод уже будто проникал сквозь кожу.

— Не очищай буфер.

Севрин потянулся к управляющему меню и остановился, развернув кисть ладонью вверх.

— Я собирался отделить телеметрию поля от декодера.

— Отдели. Только коррекцию не запускай.

Оранжевые индикаторы вспыхивали несинхронно. Напряжение росло то в одном секторе, то в другом — словно кто-то тянул за три несвязанных конца одной нити. На схеме не просматривалось общего центра возмущения, не было источника, от которого нагрузка могла бы разойтись по контуру. Датчики упрямо выдавали одно и то же: «не определён».

Севрин провёл пальцем вдоль нижней кромки панели, где располагался ряд механических клавиш. Он продолжал пользоваться ими и теперь, когда почти всё управление перенесли на сенсорные дисплеи: тактильный щелчок не давал спутать команду со случайным касанием.

— Если заморозим необработанный слой, потеряем текущую коррекцию на один цикл, — сказал он. — Две секунды, не больше.

— Делай.

Он нажал две клавиши одновременно. Экран на миг погас, а затем проступил серый график — без цветных подписей и сглаженных линий. Привычные обозначения, превращавшие помехи в понятную картину, исчезли. Остались временные метки, скачки напряжения и неровные интервалы.

Один короткий рывок.

Пауза.

Длинный скачок, за ним — два коротких.

Челюсть Неры напряглась. Ни голоса, ни слов — только последовательность, знакомая по записи из Лакуны и по следу, который она оставляла в системах Эвриды. Нера прижала большой палец к основанию указательного, пока ноготь не побелел.

— Повтори последние тридцать секунд.

— Уже повторяю.

— Без фильтра.

— Здесь его нет.

Севрин повернул экран к ней. В нижнем углу висел перечень входящих потоков: три сектора, каждый со своей временной базой. Нера следила, как изменение в одном канале предшествует отклику в другом, а затем третий подхватывает ритм с задержкой. Поле словно отвечало не на передачу нагрузки между секторами, а на нечто общее для всех.

— Это не команда щиту, — сказала она.

— Команды я не вижу.

— И не локальная поломка. Сдвиг начинается раньше, чем датчик фиксирует прирост нагрузки.

Севрин выпрямился, но плечи остались сведёнными, будто он всё ещё нёс на спине тяжёлое оборудование.

— Ты называешь это сигналом?

— Повтором. Сигналом оно станет, когда мы поймём, откуда пришло.

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Хорошо.

Слишком быстрое согласие насторожило Неру. Она подняла глаза, но Севрин уже копировал участок в защищённый журнал. На мгновение в отражении экрана рядом с её лицом возникло его — старое, усталое, выпцветшее под холодным светом дисплея. Копирование завершилось, и отражения рассыпались на графики.

В списке каналов появилось новое сообщение. Не вызов, а распоряжение: «Командный отсек. Немедленно. Принести текущую трассу».

Нера перечитала строку.

— Корр уже видел предупреждение?

— Если центральная система передала ему аномалию, он получил её раньше нас.

— Источник нагрузки по-прежнему не определён.

— Это его не остановит.

Севрин отправил копию на её служебный жетон. Нера проверила отметку времени и контрольную сумму, затем закрыла запись, не меняя названия.

— Датчик останется в прежнем режиме? — спросила она.

— До следующего управляющего запроса. Сейчас мы ничего не меняли.

— А если центр уже меняет?

Севрин бросил взгляд на индикаторы. Оранжевые точки не ответили ничем новым.

— Тогда узнаем, когда доберёмся.

Из технического пояса они вышли в сервисный коридор. Воздух пах нагретой пылью и металлом; за стеклянными вставками темнели фермы, трубы и перекрещенные кабельные лотки. Под потолком мерно гудели насосы. Едва заметный толчок проходил по перекрытиям, но теперь Нера отличала его от привычной вибрации вентиляции: он приходил с задержкой, точно отражение от далёкой стены.

— Ты помнишь, как это звучало в сырой записи? — спросил Севрин.

— Я не слышала звук. Я видела ритм.

— Я не о декодере.

— А я не о нём.

Севрин сдержанно кивнул. Он понял её выпад и не стал спорить. В последние часы Нера слишком часто замечала, как легко система подсовывает знакомое вместо достоверного: ритм оборачивался голосом, голос — именем Арсена, а имя — обещанием, которого никто не давал. Она не хотела снова позволить экрану закончить мысль за неё.

У поворота загорелось табло эвакуационной связи. На нём сменялись маршруты и короткие служебные указания: пока без тревоги, лишь проверка каналов и просьба не задерживаться у грузовых лифтов. Внизу, мелким шрифтом, появилась строка о возможном изменении режима защитного поля. Нера замедлила шаг.

— Уже уведомляют жилые сектора.

— Предупреждение стандартное, — сказал Севрин.

— Стандартные предупреждения не появляются без команды.

Он промолчал.

Командный отсек примыкал к центральному узлу Эвриды. За бронированными переборками сходились кабельные развязки, резервные блоки связи и архивные хранилища колонии. Здесь держали карты поселения, медицинские профили, журналы аварий и данные, по которым строились графики жизнеобеспечения. Потеря центрального блока не убила бы людей сразу, но колония начала бы слепнуть: каждый сектор видел бы лишь часть общей картины.

К десяти часам дверь командного отсека открылась, пропуская Неру и Севрина. Астен Корр ждал у проекционного стола, не садясь. Приглушённый дневной свет оставлял его тёмную форму почти без бликов; верхние панели галереи постепенно гасли, отдавая мощность рабочему контуру. У края стола техник в серой куртке следил за схемой доступа и не вмешивался.

— Покажите сырой фрагмент, — сказал Астен.

Нера вывела копию на свободный участок стола. Над тёмной поверхностью развернулись три отдельные линии — непохожие на ровную волну, но с повторяющимися скачками.

Астен посмотрел на график, потом на Севрина.

— Это прошло через декодер?

— Нет. Снято напрямую с щита. Декодер отключён.

— Хорошо. Я не собираюсь принимать решение по фразе, которую система могла сочинить из чужого архива.

Нера ощутила, как пальцы сжались вокруг ремня на запястье. Астен сказал это без насмешки, и оттого слова задели сильнее.

— Это не фраза. Последовательность импульсов.

— Значит, пока так и будем её называть.

Он коснулся поверхности стола. График свернулся, уступив место трёхмерной модели пространства вокруг Эвриды. По внешнему контуру колонии светились защитные сектора. Два продолжали набирать нагрузку; третий откликнулся с заметным опозданием.

Над моделью проступила траектория от Керна. Узкая лента расширялась, проходя через отметки дальних датчиков и изгибаясь к Эвриде.

— В 07:10 первая оценка оставляла нам восемьдесят три часа, — сказал Астен. — Теперь есть новый расчёт. Магнитный выброс достигнет Эвриды в четвёртый день, ориентировочно к 18:00.

Внизу модели сменились цифры таймера: 79:58.

Нера перевела взгляд с отсчёта на траекторию. С первой утренней записи прошло меньше трёх часов, а круг уже сужался быстрее, чем ей хотелось признать.

— Источник самого выброса подтверждён?

— Расчёт основан на трёх независимых наблюдательных каналах. Событие у Керна ожидается сегодня в 11:36, допуск — шесть минут в обе стороны. Путь от него до нас остаётся нестабильным.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы 18:00 было прогнозом, а не расписанием.

— И всё же вы объявляете точное время.

— Я объявляю время, с которым могут работать службы. Назови им диапазон в несколько часов — они начнут ждать его конца. Назови одну точку — начнут готовиться к ней. Любой выбор создаёт риск.

Астен говорил спокойно, не отводя взгляда от модели. Он не прятался за должность: по тому, как он стоял, Нера видела усталость человека, которому с утра пришлось подписать несколько решений, и каждое могло оказаться последним правильным.

Она наклонилась над проекцией.

— Эти три сектора набирают нагрузку до события у Керна. Реагируют заранее.

— Возможно, на локальную нестабильность массива, — сказал Севрин. — Параметры внешнего поля меняются. Мы могли получить наведённый отклик.

— Три независимые зоны не должны следовать одному порядку при локальной нестабильности.

— Они не реагируют одновременно.

— Но повторяют один ритм.

Нера вывела рядом сохранённую трассу. Время на модели и время записи не совпадали. Между ними оставался сдвиг — слишком короткий для обычной передачи и слишком заметный, чтобы списать его на округление.

— Этот рисунок уже был в сигнале из Лакуны, — сказала она. — Независимый гравиметр зафиксировал тот же ритм ещё до того, как декодер превратил его в голос.

Астен перевёл взгляд на неё.

— Ты уверена, что в текущей записи нет архивной примеси?

— Уверена. Ни имени, ни звука, ни данных из личных хранилищ. Только ритм на сырых датчиках.

— И ты считаешь, Лакуна связана с выбросом?

— Я считаю, что можно проверить, привязан ли импульс к фазе фронта. Если привязан, уточним время прихода.

— Как?

— Исследовательский корабль проходит по краю расчётного коридора. Пассивная аппаратура, один проход, без выхода к Керну. Снимем сырые данные вне поля колонии и сравним с тем, что уже поймали датчики. Если фаза повторится, скорректируем прогноз. Если нет — исключим связь и будем считать нагрузку локальной.

Астен не ответил сразу. Отражённый свет окрасил его лицо серым. Он сдвинул отметку корабельного маршрута к внешнему краю траектории, увеличив расстояние до зоны повышенной нагрузки.

— Сколько длится проход?

— Двенадцать минут в расчётной точке. Подготовка займёт больше времени.

— А возвращение?

— По той же траектории.

— При нестабильном поле?

— Да.

— Что будет, если датчики корабля начнут наводить тот же ритм на защитный массив?

Нера выдержала паузу.

— Тогда мы поймём, что даже пассивная аппаратура влияет на поле. Но корабль может потерять управление.

— И люди на нём.

— Да.

— Ты готова подписать такую оценку?

— Готова подписать, что без измерения мы распределяем энергию по прогнозу, который не учитывает происходящее сейчас.

Астен опустил руку на край стола. Модель дрогнула от движения воздуха, и тёмная линия траектории качнулась, словно её задело невидимым лезвием.

— До расчётного события у Керна меньше девяноста минут, — сказал он. — Я не отправлю экипаж к Лакуне, когда мы уже видим неизвестную нагрузку на защитном поле.

— Если не отправим, придётся действовать по неполным данным.

— Да.

— И выбирать, какой сектор вы вправе защищать.

— Да.

Его ответы не оставляли Нере укрытия за спором. Астен не утверждал, что уверен; он признавал цену решения и всё равно принимал его.

Севрин снял очки и протёр стёкла краем рукава.

— Есть ещё риск. Поле корабля способно отозваться на массив. Если импульс действительно проходит через систему, даже пассивная аппаратура не гарантирует отсутствия взаимного влияния.

— Это расчёт или воспоминание? — спросила Нера.

Севрин остановился.

Командный отсек не стал тише: за решётками продолжали гудеть вентиляторы, работали насосы и приборы. И всё же между звуками будто образовалась пустота.

— Результат стендовых испытаний, — ответил он. — Не той конфигурации, что установлена здесь.

— Когда проводились испытания?

— До запуска массива.

— И ты не говорил, что поле может отвечать на внешний сигнал.

Он снова протёр очки, хотя стёкла уже были чистыми.

— Я не говорил, что нынешнее наблюдение связано с тем испытанием.

Это прозвучало точнее, чем отрицание. У Неры похолодели ладони.

Астен дал тишине продлиться, чтобы каждый успел услышать ответ Севрина.

— Вы знали об этом заранее?

— Я знал, что массив чувствителен к некоторым колебаниям, — сказал Севрин. — Но не к этому ритму.

— И всё-таки промолчал, — сказала Нера.

— Я не знал, что неизвестный сигнал вызовет именно такую нагрузку.

— Ты сообщал только тогда, когда можешь назвать причину?

— Я сообщаю, когда могу отделить причину от сходства.

Голос Севрина оставался ровным, но пальцы на крышке стола дрогнули. Нера не могла понять, что удерживало их на месте — страх или привычка не показывать того, что он сам считал преждевременным.

Астен повернулся к центральной модели.

— Экспедиции не будет. Сегодня никаких запусков в расчётный коридор.

— Тогда оставьте открытыми хотя бы автономные датчики, — сказала Нера. — Пусть снимают всё без фильтра.

— Они продолжают снимать.

— Кто будет видеть записи?

— Командный центр.

— Кто сможет сравнивать их с внешними наблюдениями?

— Назначенные специалисты.

— С какой задержкой?

— По мере поступления.

— Это не ответ.

— Это порядок доступа.

На модели загорелись участки колонии ближе к ядру. Астен увеличил схему. Под защитными перекрытиями проступили подписи: командные помещения, архивный сектор, центральные линии жизнеобеспечения. Всё, что связывало отдельные части поселения в единую сеть, сходилось здесь.

— Защитная система уже перераспределяет нагрузку, — сказал он. — Если оставить текущие настройки, центральный узел не получит достаточного запаса.

— А внешние сектора?

— Останутся выше минимального уровня защиты.

— «Минимального» — это сколько?

— Достаточно, чтобы поле не отключилось. Недостаточно, чтобы обещать им такой же запас, как ядру.

Три периферийных участка потускнели. Нера узнала хозяйственную зону и наружные жилые модули: одна линия вела к теплицам, другая — к жилому кольцу, третья — к грузовым шлюзам. Их названия не исчезли, но цвет сделался холоднее.

— Вы снимаете резерв с жилых зон.

— Я перенаправляю его туда, где находятся командный блок, архивы и центральная разводка воздуха, — ответил Астен. — Здесь можно укрыть людей, сохранить управление жизне-

обеспечением и не потерять карты эвакуации. Если центральный узел выйдет из строя, внешние сектора останутся без связи и координации.

— Архивы можно скопировать.

— Не все архивы — записи. Там медицинские профили, карты сети, схемы ремонта. Не всё удастся восстановить из резервной копии, если сеть уже повреждена.

— А если удар придёт не туда, куда вы ожидаете?

— Тогда у меня будет меньше защищённого пространства, зато внутри него сохранится работающая система. Распределяю резерв поровну — и, возможно, каждому сектору достанется щит, которого не хватит никому.

В его голосе не было ни угрозы, ни равнодушия. Он говорил о людях — и о числе людей, которых нельзя было защитить одним сочувствием. Это пугало сильнее приказа.

— Прикажете эвакуировать внешние жилые модули, — сказала Нера. — До перераспределения. Сейчас.

— Приказ готовят.

— Тогда почему на табло только проверка каналов?

— Я не подниму тревогу, пока не подтверждён маршрут перевода.

— Люди должны успеть уйти до того, как щит ослабнет.

— Успеют.

— На основании чего?

— На основании моей ответственности за сроки эвакуации.

Нера хотела спросить, кто будет отвечать за тех, кого не удастся перевести, но не нашла формулировки, которая не прозвучала бы обвинением. Да и молчание в отсеке уже становилось частью решения. Пока она подбирала безупречный аргумент, Астен распоряжался временем и мощностью.

Он коснулся центрального узла на схеме.

— Перевести резерв на архивный сектор и командную разводку. Внешним секторам оставить минимальный удерживающий уровень. Начать оповещение об освобождении периферийных жилых модулей. Приоритет перемещения — медицинские посты, дежурные смены, семьи с детьми.

Техник за его спиной подтвердил приказ касанием панели.

Свет потёк к центру. Ничего драматичного — отдельные участки просто втянулись в освещённое ядро, а на периферии проступили серые полосы. За стеной изменился гул вентиляции. Один из насосов перешёл на другой режим, и под ногами возникла низкая вибрация.

Нера ощутила её через подошвы.

— Вы только что изменили условия замера.

— Я изменил условия защиты колонии.

— После этого сравнить данные до и после будет сложнее.

— Исходная запись сохранена?

Она посмотрела на Севрина.

— Да. Копия сырого участка у меня.

— Хорошо. Загрузите её в официальный журнал.

— Если доступ к датчикам останется открытым.

Астен повернулся к технику.

— Перевести автономные измерения в централизованный режим. Сырой поток — в командный архив. Любые внешние запросы проводить через мой уровень доступа.

Нера шагнула к столу.

— Подождите. Автономные датчики должны работать независимо от вашей схемы.

— Они будут работать.

— Но никто снаружи не увидит показаний.

— Увидят назначенные специалисты.

— Кто их назначит?

— Я.

— Значит, вы не закрываете датчики. Вы закрываете доступ к ним.

— Именно это я и приказал.

Севрин шумно вдохнул. В его взгляде мелькнуло предупреждение, но Нера уже смотрела на Астена.

— Если центральная модель ошибается, независимые записи — единственный способ заметить ошибку до удара.

— Если каждый оператор начнёт менять конфигурацию и строить собственную модель, у нас будет десять несогласованных приказов вместо одного. Я не могу управлять колонией через открытый спор на каждом экране.

— А если ваш расчёт окажется неверным?

— Тогда я отвечу за неверное решение. Но не позволю десяткам людей отвечать за десять разных решений одновременно.

Он не повысил голос. Техник за его спиной уже открыл режим обслуживания. На панели появились два поля авторизации и красная полоса с предупреждением о смене владельца доступа.

Нера заметила, что пальцы техника задержались над строкой подтверждения.

— Ваш приказ закроет не только командные запросы, — сказала она. — Он отключит исследовательские группы и наблюдателей.

— Доступ к автономным каналам — не право собственности.

— До сегодняшнего утра я могла смотреть их без разрешения.

— До сегодняшнего утра у нас не было неизвестной нагрузки на три сектора и выброса с расчётным временем прихода через четыре дня.

— Вот почему наблюдение нельзя закрывать.

— Вот почему нельзя позволить каждому трактовать его по-своему.

На столе мигнуло уведомление об очередном обновлении. Рядом появилась отметка времени: 10:47. До прогнозируемого события у Керна оставалось меньше часа, до прихода ударной волны — почти четверо суток. Но цифры уже не казались запасом. За каждой стояло чужое решение, отнимавшее у кого-то пространство.

— Севрин? — спросила Нера. — Ты согласен?

Он медленно надел очки.

— Централизованное управление может снизить риск противоречивых команд. Но закрытие сырых данных расчёт точнее не сделает.

— Тогда скажи это ему.

— Я только что сказал.

Астен кивнул технику.

Тот ввёл код, затем взял с боковой полки узкую серую пломбу. Ни яркого цвета, ни эмблемы — только мелкая насечка и номер партии. Техник приложил её к сервисному порту терминала, где ещё отображался список автономных измерений.

— Отключение доступа займёт меньше минуты, — сказал он. — Все поступающие данные будут копироваться в центральный архив. Прямой просмотр с внешних терминалов заблокируется.

— Подождите, — сказала Нера.

Техник замер, не убирая рук от панели.

— Дайте выгрузить исходную временную сетку целиком. Не только фрагмент.

Астен посмотрел на неё.

— Зачем?

— На коротком участке нет полного цикла. Без него я не сравню задержку между секторами.

— Она уже сохранена в системном журнале.

— В журнале, к которому сейчас закроют доступ.

— Ваш фрагмент подписан?

— Да.

— Тогда загрузите его в центральное хранилище.

— Там останется только ваша временная шкала.

Астен нахмурился.

— Что это значит?

— У автономных датчиков своя временная база. Если пересчитать её по системным часам сейчас, сдвиг между каналами исчезнет. А он может иметь значение для фазы.

Севрин подошёл ближе к проекции.

— Нера права. Исходная сетка должна сохраниться в родных метках. Иначе коррекция часов сгладит рассогласование.

Астен посмотрел на график. Пальцы легли на край стола, закрыв часть модели.

— Сохраните полную сетку в командном архиве и на служебный жетон Неры. Без пересчёта и без изменений.

Техник коснулся клавиши. На дисплее открылось окно сохранения. Владелец архивной копии: «Командный архив». Ниже мигало поле: «Временная база источника». Нера наклонилась, чтобы прочесть обозначение, и запомнила его.

— Сохранено, — произнёс техник.

Астен указал на порт.

Техник снял с рукава защитную ленту и обернул ею разъём доступа. Пластик лёг ровно, без складки; металлическая застёжка сухо щёлкнула. На сенсорной панели одна за другой гасли строки автономных каналов. Датчики не переставали измерять — просто теперь их показания были недоступны тем, кому прежде не требовалось разрешение.

Нера почувствовала вибрацию служебного жетона в кармане и достала его. На экране осталось одно сообщение:

«ВНЕШНИЙ ДОСТУП ЗАКРЫТ. ВЛАДЕЛЕЦ ДАННЫХ: КОМАНДНЫЙ ЦЕНТР».

Пломба защёлкнулась. За ней, в темноте порта, продолжали работать датчики. Астен смотрел на карту Эвриды, техник — на экран, Севрин — на сохранённый график.

Нера смотрела на строчку в своей копии, которую не успели пересчитать: временная база источника — τL .

Другая шкала

Металлическая застёжка пломбы ещё дрожала, когда Нера перевернула служебный жетон экраном к себе.

— Кто указал временную базу?

Астен не сразу поднял глаза от карты. Техник замер у панели, не убирая рук с клавиш. В диспетчерской, кроме Неры, оставались управляющий и Севрин. За запечатанным разёмом продолжали работать датчики, но теперь до них не доходили команды: молчание устроили руками людей.

На жетоне светилась строка: tL.

— Она пришла вместе с сеткой, — ответил Севрин.

— Это я вижу. Кто её поставил?

— Поле было в заголовке исходных данных.

Нера поднесла жетон ближе к лицу. На стекле отразились тонкие белые линии схемы Эвриды; тайм-код лег поверх них, как царапина.

— А время запроса к архиву?

Техник отвёл взгляд к Астену.

Управляющий медленно выпрямился.

— Внешний доступ закрыт. Мы уже приняли решение.

— Я спрашиваю не про датчики. В полной сетке есть метаданные. Они у меня на жетоне. Мне нужно понять, откуда взялась шкала.

— Ты получила неизменённую копию, — сказал техник, прежде чем Астен успел ответить. — Без пересчёта. Только для чтения.

Астен посмотрел на него. Техник сжал губы, но от своих слов не отступил.

Часы над аварийной схемой показывали 11:51. Окно магнитного события у Керна — одиннадцать тридцать шесть плюс-минус шесть минут — уже осталось позади. Прогноз удара по Эвриде по-прежнему отсчитывал время до четвёртого дня, до восемнадцати часов. Цифры на экране казались слишком аккуратными для мира, который только что доказал: у него есть собственный способ измерять расстояние до катастрофы.

— Я проверю метаданные в лаборатории, — сказал Севрин. — Без запуска расшифровки.

Он ответил слишком быстро. Нера повернулась к нему и задержала взгляд на его лице. Старик смотрел на жетон, словно все ответы были записаны только там.

— Почему в лаборатории?

— Там есть изолированный терминал. Командный архив сейчас закрыт.

— Севрин проверит у себя, — распорядился Астен. — Никаких новых запросов к внешним каналам. И никакого копирования поверх сохранённой сетки.

— Я не собираюсь менять копию.

— Хорошо. Тогда пойдёте вместе. Нера — при тебе.

Его слова звучали одновременно как разрешение и надзор. Нера убрала жетон в карман.

Техник коснулся панели. На контрольной схеме загорелась ровная полоса автономного режима. Севрин дождался, пока Астен отвернётся к экрану, и указал Нера на дверь.

Коридор встретил их сухим холодом вентиляции. За матовыми перегородками двигались люди: кто-то нёс короб с инструментами, кто-то торопливо застёгивал защитный воротник. На потолочных табло горели предупреждения о магнитном выбросе и сроках эвакуационной готовности. Служебный жетон в кармане Неры будто притягивал взгляды: люди быстро отводили глаза, едва замечали его.

— Ты уже знаешь, что ищешь? — спросил Севрин.

— След, которого там быть не должно.

— В данных многое появляется только потому, что мы не понимаем, как оно туда попало.

— Хорошая фраза для учёного. Плохая — для человека, который просит меня подождать.

Севрин сбавил шаг. Под прозрачной кожей на его виске мерцал тонкий медицинский интерфейс.

— До конца тревоги архивы будут меняться быстрее, чем мы успеем провести полноценную проверку.

— Значит, тем важнее сохранить след сейчас.

Он промолчал.

В лаборатории пахло нагретой керамикой и старым фильтрующим картоном. На дальнем столе стоял отключённый декодер под тканевым чехлом. Его гладкая поверхность отражала свет узкими полосами, будто под тканью ещё не затихли импульсы.

Севрин включил терминал на боковой консоли и развернул ладонь над сенсорной рамкой.

— Подключай жетон. Только к считывателю.

Нера вставила его в гнездо. Индикатор загорелся синим: чтение разрешено, запись заблокирована. Сохранённая сетка открылась отдельным массивом, без пересчёта и сглаживания. Нера проверила время сохранения, контрольную сумму, отметку исходной базы. Всё совпало с тем, что она видела раньше.

Севрин отступил на полшага, освобождая ей место.

Она выбрала не график, а строку происхождения данных.

Сначала появились координаты узлов, затем цепочка преобразований. Среди привычных технических обозначений неприметным серым светилась метка:

CVP / PERSONAL VOICE PROFILES — READ

Нера наклонилась к экрану. Ниже стояли две ссылки на профильные записи: одна архивная, другая локальная. В поле результата значилось: «вектор признаков получен». В поле происхождения — «контур калибровки расшифровщика».

— Что это?

Севрин подошёл к экрану. Лицо его стало неподвижным.

— Служебный путь.

— К личным голосовым профилям?

— Не к самим записям. Только к спектральным описаниям.

— Тогда объясни, почему они здесь.

Он провёл пальцем по краю консоли, не касаясь клавиш.

— Система сравнивала форму сигнала с доступными образцами. Проверяла, какие частоты совпадают с человеческой речью, а какие относятся к шуму.

— Независимый гравиметр зафиксировал импульсы. Он не знает, как звучит человеческая речь.

— Поэтому мы и использовали декодер.

— Декодер использовал архивные голоса, — поправила Нера. — Чтобы решить, чьи слова ему слышать.

Севрин поджал губы. Она видела, как он перебирает ответы, отбрасывая один за другим слишком удобные.

Ссылки открывали только коды, но один Нера узнала сразу. Локальный профиль был создан из её голосовых сообщений, сохранённых в колониальном архиве. Второй код ничего ей не говорил. Она раскрыла сведения о классе записи: «семейный архив, пилотский голосовой пакет». Имени не было — лишь сухая привязка к хранилищу, откуда система могла взять голос Арсена.

Пальцы Неры замерли над сенсорной рамкой.

— Время запроса, — сказала она.

Севрин вывел соседнюю колонку. Доступ к профилям произошёл ещё до того, как расшифровщик сформировал текст и голос. Сначала система получила описания голосов, потом выдала слова. Порядок не оставлял места удобному объяснению, будто декодер лишь подтвердил уже существовавший в сигнале смысл.

Во рту у Неры пересохло. Ещё утром она слышала Арсена в помехах и боялась признаться себе, насколько легко узнала его интонацию. Теперь на экране лежало подтверждение: её память стала одним из материалов, из которых система собирала чужое эхо.

— Здесь указана цепочка доступа. Кто её разрешил?

— Это старый контур калибровки.

— Название я вижу. Мне нужен человек.

Севрин быстро свернул раскрытую колонку.

— Сейчас не время разбирать всю процедуру согласований.

— Почему?

— Потому что у колонии меньше четырёх дней до ударной волны. Если во время тревоги мы начнём менять права доступа, можем потерять рабочий контур защиты.

Он говорил уверенно, почти убедительно. Слишком уверенно для человека, которому задали прямой вопрос.

Нера посмотрела на его руку. Палец по-прежнему лежал на краю сенсорной панели, будто Севрин мог одним движением стереть строку.

— Вы просите отложить проверку до конца тревоги. А кто разрешил подключить личные профили к расшифровке?

Севрин убрал руку.

— Реестр не показывает отдельного согласования на этот запуск.

— Значит, разрешение было постоянным?

— Значит, систему настраивали давно. По одной записи я не восстановлю, кто активировал этот путь.

— Вы её создали.

На этот раз он выдержал паузу.

— Да.

Его признание прозвучало почти буднично, и оттого Нере стало только тяжелее. Ни раскаяния, ни вызова — лишь усталость человека, надеявшегося, что прошлое останется технической деталью.

— Я не утверждаю, что вы подменили сигнал, — сказала она. — У меня нет на это оснований. Но считать вашу систему нейтральной я больше не могу.

— Она никогда не была нейтральной. Ни одна система не остаётся нейтральной, если ей поручают отличать шум от голоса.

— Тогда покажите исходные данные.

— Я их показываю.

— Вы показали мне путь, который не объясняет, кто его открыл.

Севрин отвернулся к закрытому декодеру.

— Нера, отложи это до конца тревоги.

— Вы уже просили довериться вашему объяснению. Теперь я прошу показать то, что можно проверить.

— Это разные вещи.

— Именно.

Она вынула жетон из считывателя. Индикатор погас, и на чёрном стекле отразилась её рука. Копия осталась нетронутой: в ней по-прежнему хранилась сетка без пересчёта и след обращения к голосовым профилям до того, как импульсы превратились в слова.

Севрин направился к двери.

— Куда ты?

— К «Меридиану».

— Ильян не полетит по старым картам.

— Тогда покажу ему новые расчёты.

— На основании чего?

— Того, что не читало голос Арсена.

Севрин не стал её останавливать. Лишь подхватил со стола потёртый планшет и пошёл следом.

В док они спустились по служебному переходу. Вдоль стены тянулись красные кабели аварийного питания; от них пахло пылью и озоном. За внутренним шлюзом раскинулся высокий полутёмный ангар. На обшивке «Меридиана» лежали холодные отблески рабочих ламп. Корабль стоял на посадочных опорах, подключённый к доковой магистрали. На боковой панели горела жёлтая надпись: **COMMAND INHIBIT**.

У открытого сервисного люка стоял Ильян Ро, пилот «Меридиана». Он изучал бумажную навигационную схему, прижатую к переборке магнитными зажимами. Услышав шаги, Ильян не сразу обернулся.

— Если вы пришли уговаривать меня по старой карте, сэкономьте время.

— Я пришла не с картой, — сказала Нера.

Он поднял глаза. На рукаве темнела полоса машинной смазки. Ильян посмотрел сперва на неё, потом на Севрина и, наконец, на жетон в её ладони.

— Тогда что у тебя?

— Независимый маршрут к Лакуне. Из полной сетки. Только необработанные показания.

— Сетка теперь под замком.

— Копия сохранена до блокировки.

Ильян снял схему с переборки и свернул. Бумага хрустнула на сгибах.

— Куда ведут твои показания?

— В обход северного края возмущённой зоны, затем к внешнему коридору Лакуны.

— Это старый коридор.

— Старый путь. Новый расчёт.

— У старого пути была неприятная особенность, — сказал Ильян. — На карте он выглядел коротким. Керн сдвигает границу приливного поля быстрее, чем обновляют официальные таблицы.

— Поэтому я не использовала таблицы.

Он бросил взгляд на экран корабельной панели. Там стандартный маршрут пересекал опасную область красной линией, будто пространство оставалось неподвижным.

— Декодер использовала?

— Нет.

— Сигнал Арсена?

Нера сжала жетон так крепко, что острый край впился в ладонь.

— Только сеть гравиметров и временные отметки. Ни одного восстановленного слова.

Ильян развернул ладонь.

— Покажи.

Нера подключила жетон к изолированному считывателю планшета и открыла сохранённую сетку в режиме чтения. Поверх неё вывела пустое поле корабельного навигатора. Исходные данные оставались нетронутыми: расчёты она строила в отдельном окне.

Ильян отключил автоматическую синхронизацию навигационного блока с колониальной сетью и вывел на стену координатную проекцию.

— Увижу, что маршрут пришёл из архивной модели, — закончим.

— Хорошо.

Нера начала с временной базы. Местные часы и tL шли несоразмерно; свести их к единому времени было нельзя. Она оставила каждую отметку в исходной шкале и использовала только интервалы между ними. На проекции возникла неровная линия с коротким разрывом.

Ильян указал на него.

— Здесь ты пропустила узел.

— Не пропустила. Исключила.

— Почему?

— В этом секторе показания всех приборов совпадают по фазе. Это отклик защитного массива. Если принять его за движение внешнего сигнала, мы повернём раньше времени.

— Или ты решила, что это массив, потому что он мешает твоей линии.

Нера вывела рядом второй график — разброс задержек между независимыми гравиметрами по всей сетке. Общий фон совпадал, но слабая последовательность отклонялась от него, переходя от одного узла к другому.

— Защитный массив отзывается на всех каналах одновременно, — сказала она. — У этого следа есть задержка. Небольшая, но повторяемая. Если вычесть общий импульс целиком, исчезнет и она.

Ильян наклонился к проекции. Большой палец скользнул по краю схемы, не касаясь линии.

— Опорные точки покажи.

Нера увеличила фрагмент. Они проверили три узла подряд: задержки расходились на величину, ожидаемую при прохождении возмущения через сектор. Между третьим и четвёртым отсчётами сигнатура исчезала, а затем возникала вновь — уже на противоположной стороне расчётного коридора.

— Ошибка здесь, — сказал Ильян.

— Где?

Он указал на участок, где Нера провела прямую между точками.

— Ты связала их напрямую. В районе Керна это не путь, а попытка пронзить границу приливного поля насквозь.

Нера взглянула на него. Он не отвергал данные — лишь не позволял ей выбрать простое решение.

— Какой обход?

— Не знаю. Старая карта здесь бесполезна.

Она расширила проекцию и заменила прямое соединение узлов диапазоном возможных траекторий. Линия легла широкой дугой, повторяя изгиб задержек. Ильян молча сравнил её с местными координатами «Меридиана», затем запросил проверку по оптическим ориентирам.

Навигатор выдал расчётный сектор с погрешностью. Коридор Неры оказался шире, чем хотелось бы, зато полностью обходил красную область.

— Это всё ещё может быть ложным совпадением, — сказал Севрин. Он стоял чуть позади, обхватив планшет обеими руками. — Сигнал мог отразиться от внешнего слоя и вернуться с задержкой.

— Мог, — согласилась Нера. — Тогда он не должен сохранять тот же порядок фаз на независимых узлах после вычитания отклика массива.

— Если модель массива верна.

— Поэтому я оставила диапазон погрешности, а не одну линию.

Ильян придвинул карту и провёл маршрут от предполагаемого подхода к Лакуне обратно, к точке старта. На одном изгибе задержался.

— Здесь обычно срезают, — сказал он. — А потом теряют управление. Ты оставила длинный крюк.

— Кратчайшая дуга уводит погрешность за внешнюю границу поля.

— Длинный обход съест запас.

— Зато не заставит нас проходить участок, который мы не умеем измерить.

Ильян ещё несколько секунд смотрел на расчёт. За его спиной «Меридиан» тихо потрескивал, остывая в доке.

— Сколько?

— На твоём режиме тяги — на треть дольше официального маршрута.

— Официальный маршрут рассчитан по старой модели.

— Именно.

Он повернулся к ней.

— Ты просишь меня вести корабль туда, где никто не подтвердил твои данные.

— Я прошу тебя проверить их. Любую точку можешь отбросить. Любой расчёт — повторить сам.

Нера открыла рядом с построенной дугой исходные отметки и отодвинула планшет к Ильяну.

— Я не прошу верить голосу из сигнала. Посмотри на числа. Решение будет твоим.

— А если я откажусь?

— Найду другой путь.

Он задержал взгляд на её лице. В его глазах было что-то жёсткое и усталое, старое, как складка между бровями.

— Ты уверена, что хочешь снова поставить себя на этот маршрут?

— Нет.

— Хорошо. Было бы хуже, если бы была уверена.

Севрин тихо кашлянул.

— Если вы полетите, вам понадобится человек, который понимает, как Лакуна взаимодействует с полем Керна.

Ильян не посмотрел на него.

— Это предложение?

— Это моя ответственность.

— Не одно и то же.

— Знаю.

Нера закрыла расчётный слой, оставив исходные данные открытыми.

— Если полетишь с нами, объяснишь каждый шаг. Никаких закрытых записей.

Севрин опустил взгляд на планшет.

— Согласен.

Ильян выпрямился и посмотрел на панель блокировки.

— Астен запретил запуск.

— Да, — ответила Нера.

— На корабле стоит удалённый командный запрет. Если снять его штатно, центр получит запрос и должен подтвердить снятие.

— Подтверждения не будет.

— Собираешься нарушить приказ?

— Собираюсь отвечать за решение.

— Это не одно и то же.

— Сегодня — одно.

Ильян провёл большим пальцем по краю сервисного люка. За ним виднелся ряд защитных контактов, закрытых тонкой пломбой. Сорвать её — значит внести запись в бортовой журнал. Если корабль когда-нибудь подключится к колонии, эта запись уйдёт вместе с остальными.

— Внесёшь своё имя, — сказал он.

— Внесу.

— И моё.

— Твоё — за действия пилота.

— А если маршрут окажется неверным?

Нера опустила взгляд на сетку, где чужая система превратила ритм в голос её брата.

— Тогда это будет моя ошибка, но не его голос.

Ильян коротко кивнул. Он снял с пояса инструмент, просунул узкий конец под пломбу и приподнял край. Металлизированная нить натянулась, блеснула в рабочем свете и лопнула.

Внутри люка он отжал предохранитель командного контура. Надпись COMMAND INHIBIT погасла. Её сменила новая строка: LOCAL PILOT AUTHORITY — REMOTE LINK ISOLATED.

«Меридиан» не мог принять решение за них. Но теперь был готов выполнить их решение.

Ильян убрал инструмент на полку. Нера знала: даже если они передумают через минуту, порванная пломба останется в журнале.

Доковые часы сменили 13:09 на 13:10.

За переборками «Меридиана» беззвучно проснулась навигационная система.

Три версии

Три версии

Навигационная система ожила под переборкой, и по корпусу «Меридиана» прокатилась низкая дрожь.

Ильян вскинул голову. Ещё миг назад на панели над сервисным люком горела только строка LOCAL PILOT AUTHORITY — REMOTE LINK ISOLATED. Теперь под ней медленно проступала схема корабля, от кормы к носу, словно судно рисовали светом изнутри.

— Она проснулась сама? — спросила Нера.

— Нет. — Ильян уже стоял у панели. — Её разбудило снятие командного запрета.

— Я думала, запрет снят с управления.

— Управление и навигация — разные вещи. Теперь корабль сам может строить решения. Хорошими они от этого не становятся.

Схема замкнулась. Навигационный контур вывел координаты дока, отметил положение Эвриды, Керна и тусклую область за пределами основного поля наблюдения. Лакуна была обозначена не точкой, а россыпью размытых отметок, будто система не могла решить, где именно ей положено находиться.

Ильян положил ладонь на край консоли, не касаясь клавиш.

— Не строй маршрут, — сказала Нера.

— Я пока даже не дышу в её сторону.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как нажать что-нибудь опасное.

— В основном потому, что ты стоишь рядом и заранее объявляешь это опасным.

На миг между ними мелькнула улыбка. Она исчезла, когда карта подсветила пунктирную линию от Эвриды к Лакуне. Линия огибала Керн по дуге, которую система считала безопасной.

— Откуда она взялась? — спросила Нера.

Ильян стёр пунктир одним движением.

— Из старой маршрутной библиотеки. Я запретил автоматическое построение. Видимо, корабль решил: раз ему разрешили выбирать, можно вспомнить прежние решения.

Доковые часы показывали 13:11. За стенами «Меридиана» шли дневные циклы станции, но в тесном навигационном отсеке свет оставался холодным и ровным. Нера подошла ближе. Служебный жетон с сохранённой полной сеткой сигнала лежал в кармане куртки; она привычно нащупала его через ткань.

— Открой локальную историю маршрутов, — сказала она. — Не командный архив.

— Здесь только то, что загружено на корабль.

— Хорошо. Значит, хотя бы не попросим переписать о себе мнение.

Ильян ввёл команду. На экране появились рейсы, отмеченные датами и условными обозначениями. Большинство вели к периферийным станциям, несколько были исследовательскими маршрутами у Керна. Ильян задержал палец над одним номером.

— Этот.

— «Шёпот»?

— Нет. Операция, после которой он пропал. Маршрут нашей группы.

Нера уставилась на экран.

Ильян выбрал запись. Карта раскрылась слоями: начальная точка, расчётный коридор, фактическая траектория «Меридиана», а затем тонкая незамкнутая линия — последний известный вектор «Шёпота».

Она пересекала область Лакуны.

Ильян не сразу заговорил. Приблизил карту, сверил отметку курса, открыл журнал коррекции. Плечи напряглись, будто он снова сидел за штурвалом девять лет назад, а не стоял в доке на борту корабля, которому только что вернул право выбирать самому.

— Последний зарегистрированный вектор, — сказал он. — Не точка исчезновения. Направление движения в момент, когда связь оборвалась.

— Он совпадает с линией на Лакуну?

— После поправки на изгиб у Керна — почти. Погрешность меньше трёх градусов.

— Ты помнишь этот участок?

— Помню, куда вёл мой маршрут.

Он произнёс это без нажима, но Нера всё равно повернулась к нему.

— Твой маршрут заканчивался там?

— Нет. Мой — нет. «Шёпот» ушёл дальше.

— Ты видел этот вектор раньше?

— Последнюю запись в отчёте видел. Но тогда мы не привязывали его к Лакуне: её координаты плавали, а карту строили по нашим маякам. — Ильян сжал пальцы на кромке консоли. — Теперь у нас другая система отсчёта.

— И всё же ты мог посмотреть.

— Мог.

Она ждала продолжения. За годы Нера научилась отличать молчание, которым прячут ответ, от молчания, в котором подбирают слова. У Ильяна было второе. От этого он не становился правдивее, просто давал ей время подготовиться.

— Я не знал, что это тот же коридор, — сказал он. — В старом отчёте «Шёпот» уходил от Керна. В нынешней модели та же линия проходит через Лакуну. Совпадение появилось вместе с новой привязкой, а не с моей памятью.

— Ты уверен?

— Нет. Поэтому и показываю тебе журнал.

Он развернул карту, чтобы она видела и прежнюю траекторию спасательной группы, и вектор «Шёпота». У Керна линии расходились, будто корабли выбрали разные пути, а дальше снова сходились — в пределах погрешности. Старые расчёты на одном участке были особенно неровными: защитный массив Эвриды искажал гравитационный фон, навигационные буи едва держались в рабочем диапазоне.

Нера протянула руку и коснулась пустого места между линиями. Экран отозвался голубым мерцанием.

— Если сигнал приходит из Лакуны, последняя линия «Шёпота» указывает туда. Если расчёт ошибочен, совпадение ничего не доказывает. А если его искажил массив...

— Тогда мы можем принять искажение за намерение, — закончил Ильян.

— Или намерение — за искажение.

Он покосился на неё.

— Ты всегда умела сделать плохую новость вдвое хуже, добавив красивую формулировку.

— Профессиональный навык.

Нера достала жетон, приложила к локальному считывателю и открыла сохранённую сетку. Из командного архива данные уже ушли на отдельную копию, но здесь оставалась полная запись — без пересчёта и исправлений. Она вывела рядом три дорожки: исходные отметки гравиметра, спектральную огибающую и распознанные слова.

Слои не складывались в единую картину. Сырые импульсы шли через интервалы, которые повторялись с небольшими отклонениями. Спектр сохранял общий рисунок, хотя несущая частота менялась. Переводчик же всякий раз предлагал новый текст поверх тех же отметок:

обрывок позывного «Шёпота», фразу из учебной записи самой Неры, затем слова, которые могли быть обращением, предупреждением или просто удачным сочетанием звуков.

— Вот что система называет голосом, — сказала она. — Не устойчивый текст, а разные сборки поверх одного ритма.

Ильян приблизил спектр.

— А что она голосом не называет?

— Импульсы. Их зафиксировали независимые приборы. Они не знают, как звали моего брата, не слышали его записей и не читали мои лекции.

— Но могут повторять общий природный ритм, — сказал он. — Керн не обязан быть разумным, чтобы звучать одинаково в двух приборах.

— Или повторять структуру, которую мы пока не понимаем.

— Вот это уже красивее.

— А ты уже начинаешь скучать.

Нера открыла фрагменты записей трёх пропавших кораблей. Они были короче и хуже: один аппарат обесточился прежде, чем импульсы успели повториться, второй оставил лишь участок спектра и шум, который система когда-то объявила неподтверждённым. В навигационном журнале третьего сохранилась последовательность слабых колебаний, так и не получившая названия.

Она наложила фрагменты друг на друга. Разные по громкости, смещённые по частоте, они всё же удерживали общий ритм.

— Совпадение есть, — сказала Нера. — Не в высоте сигнала и не в том, что каждый прибор принимает за пик. В отношениях между интервалами. У этих записей разные корабли, сенсоры и время потери связи. А ритм один.

— Насколько одинаковый? — спросил Ильян.

— Достаточно, чтобы считать его повторяющимся. Но этого мало, чтобы утверждать, будто все корабли слышали одно и то же.

— В каждом архиве остались исходные показания?

— В двух — почти полностью. В третьем часть сенсорного потока прошла через бортовую коррекцию. Но переводчика там нет. Я проверила.

Она провела пальцем по краю экрана и остановила данные на участке последней записи. Несколько импульсов выстроились в ровный ряд. За ними тянулся пустой промежуток, затем следовал ещё один короткий удар.

Нера не слышала голоса. Но пауза стояла там, где её память давно научилась ждать вдоха Арсена.

Ильян заметил, куда она смотрит.

— Нера.

— Я вижу интервалы.

— Ты видишь всё сразу.

— Нет. Я вижу, что интервал повторяется. А переводчик потом помещает туда имя.

— Он помещает туда его голос.

— Профиль, составленный из голоса.

Ильян не стал спорить. Нера благодарно кивнула, хотя он ничего не сделал; ей было легче, когда чужой взгляд не превращал сомнение в обвинение.

— Я могу оставить в данных только то, что есть до слов, — сказала она. — Убрать распознавание, выровнять приборы по независимой временной метке, а потом сравнить снова. Но останется вопрос: почему один ритм встречается в журналах исчезнувших кораблей?

— Я бы начал с другого: почему все три судна шли к Керну, — ответил Ильян.

— Они не все шли к Керну. Один возвращался.

— Проходил через поле влияния. Для траектории разница иногда исчезает.

— А если Лакуна находится не там, где мы её рисуем?

Ильян прищурился.

— Тогда маршрутная версия становится ещё веселее.

В 13:32 Нера подняла голову к внутреннему переговорному порту.

— Нам нужен Севрин.

Ильян оглянулся.

— Он не подключён к корабельной сети.

— Позвоним по доковой линии.

— Локальной?

— Физически подключённой. По крайней мере, если кто-нибудь не решил, что кабели тоже угрожают устойчивости Эвриды.

Ильян открыл крышку переговорного порта. Внутри тянулись два ручных гнезда: одно для внешнего канала, другое для ремонтной линии, которой пользовались доковые техники. Он выбрал второе и повернул механический переключатель. Раздался треск, затем — далёкий, усталый голос дежурного.

Нера назвала Севрина и попросила передать, что он нужен у «Меридиана». Ответа пришлось ждать. Пока динамик шелестел статикой, Ильян смотрел на карту, а Нера — на три наложенных друг на друга спектра.

— Он может не прийти, — сказал Ильян.

— Может.

— Ты позвала его не потому, что надеешься услышать подтверждение.

— Я позвала его, потому что он знает, где у расшифровщика спрятаны самые дорогие ошибки.

В 13:44 наружный замок шлюза сработал дважды. Севрин Орт вошёл, придерживаясь за поручень. Серый ворот рубашки был расстёгнут, на рукаве темнела тонкая полоса машинной смазки. Он взглянул на открытый переговорный порт, затем на карту.

— Рад видеть, что вы нашли способ поговорить без посредников, — сказал он. — Посредники нынче любят приписывать себе авторство.

— Мы хотим проверить три версии, — произнесла Нера.

— Тогда не начинайте с той, которую больше всего хочется подтвердить.

Ильян отступил от консоли, освобождая ему место.

— Какую бы вы подтвердили?

Севрин не торопился. Наклонился к карте, изучил последний вектор «Шёпота», затем спектральные записи. Его пальцы слегка дрожали, пока он увеличивал участок с регулярными импульсами; стоило коснуться рамки данных, как дрожь исчезла.

— Сперва скажу, что мне не нравится в вопросе, — произнёс он. — Слово «версия» заставляет думать, будто сигнал один, а объяснений несколько. Но у вас здесь как минимум два события: повторяющийся физический рисунок и текст, который из него извлекает программа.

— Значит, третья составляющая — сам расшифровщик, — сказала Нера.

— Да. И третий участник. Не обязательно злонамеренный, но от этого не менее опасный.

Ильян показал на карту.

— Первый вариант: сообщение посылает разум. Курс «Шёпота» поддерживает эту мысль. Несколько пропавших кораблей записали одинаковый ритм. Источник может быть связан с Лакуной.

— Или они все проходили через одну область поля, — отозвался Севрин.

— Это второй вариант, — сказала Нера. — Естественное отражение или повторное возбуждение поля у Керна. Ритм возникает без отправителя. Третий — расшифровщик сшивает его с личными архивами и выдаёт слова, которых в необработанных данных нет.

Севрин поднял взгляд от спектра.

— Я бы не называл это отражением, пока мы не знаем, от чего именно отражается поле. Но как рабочее объяснение годится. Естественный процесс способен повторить импульсы. Выбрать фразу он не может.

— Переводчик — может, — сказала Нера.

— Он не выдаёт устойчивого текста, и это важно. Он извлекает последовательность, классифицирует её как вероятную речь, а затем использует известные ему голоса, чтобы заполнить провалы. Но единственного ответа он не выбирает: перебирает варианты, которые кажутся ему подходящими.

— Среди них — голос моего брата.

Севрин встретил её взгляд, не пытаясь смягчить вопрос.

— Да.

— И моя учебная фраза.

— Да.

— Кто разрешил системе пользоваться личными профилями?

— Я.

В отсеке стало так тихо, что за стеной явственно послышался охлаждающий вентилятор, меняющий частоту.

— Ты знал, что она это делает? — спросила Нера.

— Я знал, что профили добавили в переводчик. — Севрин снял очки, тщательно сложил их и убрал в нагрудный карман. — Не знал, какие именно записи он сопоставит с Лакуной. Должен был ограничить доступ к личным архивам до запуска реконструкции.

— Но не ограничил.

— Нет.

Ильян смотрел на него без выражения, которое обычно появлялось у него при виде красивого объяснения, способного свалить вину на систему.

— Значит, вмешалась система колонии, — сказал он. — Не обязательно в сам сигнал, но в то, что мы считаем услышанным.

— Именно, — поправил Севрин. — Пока нет признаков, что переводчик изменил первичные импульсы. Он изменил их смысл для тех, кто смотрел на экран.

— А если он меняет данные раньше, чем они доходят до экрана? — спросила Нера.

Севрин повернулся к ней.

— Тогда я бы хотел обнаружить это раньше, чем мы полетим к источнику.

— Ты говорил, что естественное отражение не выбирает фразы, — заметил Ильян. — Но если слова возникают только внутри переводчика, нам незачем спорить о том, что выбрало поле.

— Нам всё равно придётся выяснить, что вызвало повторение. — Севрин указал на журналы пропавших кораблей. — Если поля Керна сохранили последовательность в нескольких приборных потоках, нужно понять как. Если не сохранили — значит, кто-то или что-то поддерживает этот ритм. Полетите туда с одним переводчиком и верой в его выводы — он решит спор за вас.

— А если полететь вообще без переводчика? — спросила Нера.

— Тогда у нас будет честная тишина и очень много необработанных данных.

— Иногда это лучше, — произнёс Ильян.

— Иногда. Но если сигнал рассчитан на распознавание, тишина тоже может оказаться ответом, который мы сами себе назначили.

Нера снова посмотрела на карту. Три объяснения предлагали три способа обмануться. Разум мог быть проекцией, которой она наградила знакомый голос. Эхо — удобным названием для процесса, причины которого и сам Севрин не знал. А вмешательство программы — про-

стым выходом, позволявшим не смотреть на остаток: импульс, существовавший прежде, чем кто-либо нажал «перевести».

— Допустим, это разум, — сказала она. — Что заставит нас предпочесть эту версию двум другим?

— Он должен отреагировать на изменение условий, — ответил Ильян. — Не просто повторить собственную дорожку, а показать, что знает, где мы и что делаем. Я меняю курс — сигнал меняется не так, как должен был бы меняться у естественного источника.

— Или его частота сдвигается вместе с нашей позицией, а не с полем, — добавил Севрин. — Но одного совпадения хватит лишь на новое сомнение.

— А если это эхо? — спросила Нера.

— Тогда оно подчинится геометрии, — сказал Ильян. — Подлёт, время задержки, угол. Всеми, чему безразлично, кто у нас на борту.

— Это можно проверить независимыми датчиками. Если они запишут одну и ту же задержку без расшифровщика, естественная версия станет сильнее.

— А если виновата система? — спросил Севрин.

Нера провела пальцем по строке с текстовым результатом, не открывая её.

— Спрятать от переводчика профили. Не показывать имена, маршруты и старые записи. Дать ему тот же поток без подсказок. Если голос исчезнет, а ритм останется, мы хотя бы отделим одно от другого.

Севрин помолчал.

— Вы предлагаете посадить мой переводчик перед пустым окном.

— Я предлагаю проверить, что он сделает, если перестать подсказывать ему, кого узнавать.

— Он может не узнать никого.

— Это тоже результат.

— Или начнёт сочинять кого-нибудь другого.

— Тогда мы увидим, как именно он ошибается.

Севрин опустил взгляд. На мгновение лицо его стало старше — не от слабости, а от усилия, с которым он не позволил себе спрятаться за привычным объяснением.

— Хорошо. На борту должен быть отдельный переводчик: пустой профиль, отдельная копия модели, никаких связей с центральным архивом.

— Возьмём необработанные данные с сенсоров, — сказала Нера. — Основной гравиметр не должен проходить через бортовой декодер. Нужен ручной прибор, со своими часами и питанием.

— В отсеке аварийной навигации есть такой, — ответил Ильян. — Если его не списали.

— Инерциальный регистратор тоже?

— Старый, тяжёлый и упрямый. Значит, вероятно, да.

— Мне понадобятся все доступные фрагменты записей пропавших кораблей, — сказала Нера. — Не сводные отчёты, а исходные буферы.

— Часть хранится в локальной библиотеке, — сказал Ильян. — Остальное я не потяну из командного архива, даже если бы захотел.

— Не нужно. Полная сетка уже на моём жетоне. Я сделаю копию, не трогая исходник. Профили переводчика — отдельно, запечатать. Никаких общих папок и автоматических обновлений.

— А связь? — спросил Севрин. — Если окажемся в зоне, где колониальная сеть заглухнет?

Ильян оглянулся на отсек аварийного снаряжения.

— У корабля есть оптический передатчик ближнего диапазона. Его можно отключить от бортового ретранслятора и питать от автономной батареи.

— Не доверяю прибору, чьё описание начинается со слов «можно отключить», — заметил Севрин.

— Зато он не притворяется разумным.

— Пока не притворяется.

Нера посмотрела на Ильяна.

— Ты хочешь, чтобы Севрин летел с нами?

— Хочу знать, что он будет делать с данными, когда увидит то, чего не хочет видеть.

— Справедливо, — сказал Севрин.

— А ты хочешь лететь? — спросила Нера.

— Слишком долго я решал, что другим не следует знать о последствиях моих решений.

На этот раз предпочёл бы быть рядом, когда последствия заговорят.

Ильян издал короткий звук, похожий на смешок, но без веселья.

— Если заговорят, переводчик будет последним, кто получит слово.

— Я не стану с ним спорить, — сказал Севрин. — Он всегда уверен в себе.

Разговор сменился работой: каждый занялся своей частью подготовки. Ильян отправился к аварийной стойке и вернулся с тяжёлым гравиметром в металлическом кожухе. На корпусе сохранилась потёртая маркировка; прибор пережил не одну перепроверку и, возможно, неудачную посадку. Ильян поставил его на пол, придерживая носком, пока отсоединял старую калибровочную ленту.

— Он исправен? — спросила Нера.

— Он честный.

— Это не ответ.

— Честный ответ займёт больше времени.

Она присела рядом, подключила независимое питание и дождалась, пока на шкале проступят первые тестовые значения. Они плавали в пределах допустимого разброса.

— Исправен, — сказала она.

— Вот теперь ответ.

Севрин вскрыл отсек с локальными архивами. Ни один накопитель он не подключал к корабельной сети: копирование шло через отдельный порт, на чистые носители с физическим переключателем защиты от записи. Нера перенесла туда полную сетку, журналы трёх пропавших кораблей и снимки спектров. Личные профили записала на другой носитель и заперла в защитном футляре.

— Разнесли память по разным коробкам, — сказал Ильян, наблюдая, как она защёлкивает футляр.

— Разнесли источники возможной ошибки.

— Удобнее было бы разнести ошибки по людям.

— Их и так хватает, — сказал Севрин.

Он открыл внутренний отсек переводчика, вынул блок личных профилей и оставил отдельно от чистой модели. Нера следила, как система собирается без голосовых библиотек. На экране возникла лишь серая сетка полей — ни имени, ни позывного, ни намёка на готовое слово.

Она поймала себя на том, что ждёт знакомую фразу из этой пустоты. Экран остался серым, и напряжение немного отпустило её плечи.

— Не ставь на пустую систему слишком много, — сказал Севрин. — Она всё равно унаследовала словарь.

— Зато не унаследовала Арсена.

— Нет, — ответил он. — Не унаследовала.

Нера убрала модуль с профилями в футляр. Пальцы задержались на крышке. В старой записи Арсен объяснял ей, как читать колебания по краю шкалы, когда она была ещё слишком

молода и верила, что любое измерение обязано иметь правильный ответ. Его голос не звал её из Лакуны и ничего не обещал. Это был просто голос человека, который однажды оставил её ждать и не вернулся.

Она защёлкнула футляр.

— Не хочу, чтобы его запись летела рядом с необработанным сигналом.

— Тогда она полетит отдельно, — сказал Ильян. — И не будет участвовать в навигации.

— Хорошо.

— Ты не обязана брать её с собой.

— Я знаю. Беру, чтобы она не выбирала маршрут за меня.

Он посмотрел на неё дольше, чем требовалось для ответа.

— Маршрут выбираю я.

— Пока.

— Это прозвучало почти как доверие.

— Не привыкай.

Севрин поднял с пола оптический передатчик. Тот был размером с ладонь, с тусклой стеклянной апертурой и отдельным аккумуляторным блоком. На корпусе не было маркировки центральной сети.

— Если понадобится связь с Эвридой, прибор передаст короткий пакет напрямую, — сказал он. — Без ретранслятора и маршрутизации через архив.

— И без перевода, — добавила Нера.

— Только данные.

— Данные тоже умеют врать, — заметил Ильян. — Просто фантазии у них меньше.

К 15:08 всё, что они решили взять, лежало в закреплённых ячейках навигационного отсека: независимый гравиметр, инерциальный регистратор, копии необработанных журналов, чистый переводчик, запечатанный носитель с личными профилями и отдельный оптический передатчик. Ни один предмет не подключался к командной сети. Между каждым и бортовой системой оставили физический разрыв, заметный даже без схемы.

Нера обвела взглядом этот ряд. Спор не привёл их к ответу, зато превратил каждый ответ в вопрос, который можно было проверить отдельно.

— Три версии, — произнесла она. — Чужой разум. Естественное эхо. Вмешательство системы расшифровки.

— И ни одна не объясняет всего, — сказал Севрин.

— Значит, ни одной пока нельзя позволить решать за нас, — ответил Ильян.

Он вернулся к консоли. На карте по-прежнему светился коридор к Лакуне, но маршрут оставался пустым: его не выбрала ни автоматика, ни пилот.

— Если выйдем сейчас, до прогнозируемого удара по Эвриде останется меньше семидесяти пяти часов, — сказал Ильян.

— В 18:00 Дня четвёртого, — уточнила Нера.

— Я помню. — Ильян открыл секцию докового управления. — Спрашиваю не о сроке. Готова ли ты унести свою сетку туда, где она может подтвердить хоть одно объяснение?

Нера посмотрела на футляр с запечатанными профилями, затем на серую пустоту экрана.

— Готова унести её туда, где она не сможет выбрать за меня.

Ильян вписал своё имя в локальный журнал вылета. Нера добавила своё в строку второго пилота. Севрин подписался последним, после короткой паузы, словно этот простой жест весил больше всех его признаний.

Никто не запросил разрешения у Астена. Доковой переговорный порт оставался отсоединённым от колониальной сети, и отправить уведомление через него было невозможно. Другой путь существовал, но тогда их подготовка стала бы видна тем, кто уже запретил независимый доступ к измерениям.

В 15:20 Ильян поднял защитную крышку ручного расцепителя.

— Если мы выбираем неверный маршрут, — произнёс он, — отметка останется в журнале.

— Останется, — сказала Нера.

Он нажал рычаг.

Три металлические лапы дока разошлись от корпуса, и «Меридиан» тяжело качнулся, впервые за долгое время выходя из дока без приказа Эвриды.

Слепое чтение

Слепое чтение

Корпус качнулся, и Нера упёрлась ладонью в край консоли. По палубе прокатилась короткая вибрация: корабль освободился от доковых лап. На панели один за другим погасли три индикатора.

Ильян держал руку на ручном управлении, пока «Меридиан» медленно отходил от станции. Севрин стоял у переборки, чуть расставив ноги, и следил за тем, как в иллюминаторе исчезает край дока.

— Лапы больше не держат, — сказал Ильян. — Мы свободны.

В его голосе не было торжества — лишь сосредоточенность человека, которому теперь предстояло отвечать за каждую ошибку самому.

Нера взглянула на футляр с запечатанными профилями. Он лежал на консоли возле её локтя. Она подхватила его и защёлкнула ремень на запястье.

— Курс к Лакуне, — сказала она.

— Уже проложен. — Ильян коснулся панели. — Пока идём по коридору, который обсуждали. Если датчики покажут другое, свернём.

Севрин отлепился от переборки.

— Там нет удобного коридора.

— Тогда хорошо, что я не рассчитываю на удобство.

На широком экране маршрут тянулся от «Меридиана» к тёмной отметке Лакуны. Керн висел за линией курса, неотличимый от прочих холодных звёзд. Ильян перевёл корабль на ручное сопровождение. Движение почти не ощущалось: кресла не качнулись, и лишь тонкая дрожь переборок выдавала работу двигателей.

Нера проверила журнал отстыковки. В строке запуска значились их имена, но приказа Астена не было. Запись сохраняла след отстыковки — именно это Ильян и обещал.

— Если мы сейчас повернём назад, — произнёс Севрин, — колония успеет потребовать объяснений.

— А если не повернём, объяснения всё равно потребуются, — отозвался Ильян. — Просто позже.

Он повёл корабль вдоль края транспортного коридора. На секунду звёзды в иллюминаторе скользнули в сторону, потом замерли. Нера всё ещё чувствовала под пальцами холодный металл рычага, которым Ильян отпустил док.

К четырём пополудни они перебрались в лабораторию обработки сигналов на борту «Меридиана». Нера внесла футляр сама и поставила на центральный стол, оставив ладонь на крышке. В комнате пахло разогретой пылью и чистящим раствором; под потолком мерно гудела вентиляция. Севрин снял с настенного держателя сенсорную перчатку, но пока не надел.

Ильян оставил дверь открытой.

— Собираешься следить за нами из коридора? — спросила Нера.

— Собираюсь услышать, если корабль решит сообщить, что ему не нравится наш маршрут.

— Ты пилот. Разве он обычно советуется?

— Нет. Поэтому я предпочитаю быть рядом.

Нера вынула из сумки служебный жетон. Полная сетка сохранилась на нём после независимой проверки; рядом лежала исходная отметка повторяющегося ритма. Она подключила жетон к лабораторному терминалу и открыла короткий фрагмент.

— Один и тот же участок, — сказала она. — Без сдвига начала, сглаживания и изменения усиления. Меняем только профиль.

— А если система сама изменит сегмент? — спросил Ильян.

— Тогда увидим.

Она подняла взгляд на Севрина.

— Помните, как сбросить словарь между запусками?

— Да.

— Сбросить полностью. Не оставлять предыдущий результат в рабочей памяти.

Севрин надел перчатку.

— Я помню, как устроил эту систему.

— Это не ответ на мой вопрос.

Он выдержал её взгляд, затем коснулся панели очистки.

В футляре лежали три профиля, каждый в отдельной ячейке. Нера вынула первый — собственный. На тёмной поверхности проступило её имя. Она задержала палец над меткой, прежде чем вставить чип в считыватель.

— Исходник закреплён? — спросила она.

Ильян посмотрел на экран через её плечо.

— Контрольная сумма прежняя.

— Ещё раз.

Он повторил проверку. Цифры совпали. Нера включила обработку.

Сначала раздался негромкий шелест, похожий на сухую ткань, которую медленно протягивают через щель. Потом в лаборатории возник голос:

— Нера, не возвращайся за мной. Держи курс.

Имя Арсена так и не сорвалось с губ. На несколько секунд гул вентиляции, работа двигателей и дыхание Ильяна растворились; остался только голос из динамика — приглушённый, близкий, с тем коротким спадом на последнем слове, который она помнила по старым записям брата.

Ильян не приблизился. Его пальцы сжались на краю стола.

Севрин выключил воспроизведение.

— Повтори, — сказала Нера.

— Зачем? — спросил Ильян.

Она подняла на него глаза.

— Проверить, меняется ли версия при повторе.

Севрин снова очистил буфер. Контрольная сумма фрагмента не изменилась. Нера запустила обработку ещё раз.

— Нера, не возвращайся за мной. Держи курс.

Голос прозвучал так же. На экране появилась расшифровка, но она не указывала на речь в исходном сигнале: система лишь сопоставила отдельные интервалы с выбранным профилем.

Нера приблизилась к динамику и отсоединила его.

— Это не пришло по входному каналу, — сказала она. — Источник не менялся. Говорящий возник после обработки.

— Ты узнала его, — тихо произнёс Севрин.

Она взглянула на строку контрольной суммы.

— Я узнала голос, который система собрала из того, что ей позволили использовать. Это разные вещи.

Ильян чуть наклонил голову — то ли соглашаясь, то ли стараясь не дать ей отвести взгляд.

— Хочешь прогнать мой профиль?

— Хочу увидеть, что он сделает с тем же фрагментом.

Нера сняла собственный чип и положила в ячейку. Делала это аккуратно, словно профиль мог остаться на пальцах. Затем очистила буфер, ещё раз сверила исходный сигнал и вставила чип Ильяна.

Он стоял неподвижно. Нижняя челюсть сдвинулась, когда устройство приняло профиль.
Из динамика прозвучал голос Ильяна:

— Оставить «Шёпот». Держать спасательный коридор открытым.

Ильян отступил на полшага. Пальцы стиснулись, а взгляд на миг застыл на зелёном маркере входного сигнала. Гул вентиляции не изменился, на панели всё так же мигал тот же маркер, но знакомое сочетание «спасательный коридор» заставило Неру напрячься.

— Это откуда? — спросил Севрин.

— Не знаю, — ответил Ильян.

Он ответил слишком быстро и тут же опустил взгляд на свои руки.

— Похоже на оперативную запись, — заметила Нера.

— Похоже. — Он провёл большим пальцем по краю ладони. — Но я не слышал этого в исходном сигнале.

— Слышал раньше?

Ильян поднял голову. Взгляд его встретился с Нерой, и неназванная спасательная операция снова легла между ними — тяжёлым, давно знакомым молчанием.

— Я много раз отдавал команды в коридоре, — сказал он. — Не знаю, с какой именно записи система это собрала.

Нера не отвела взгляда.

— Она не вытащила фразу из сигнала. Она собрала её из твоего профиля.

— Тогда пусть Севрин покажет как.

Севрин не стал отвечать. Он снял перчатку и наклонился к экрану. На месте слов открылись тонкие маркеры происхождения — скрытые до тех пор, пока он не включил проверку. Он пробежал пальцем по строкам и задержался на нескольких метках.

— Эти слова совпадают с фрагментами из вашего речевого архива, — сказал он.

— С какими именно? — спросил Ильян.

— Не целые фразы — отдельные участки: «оставить», «коридор», «открытым». Система связала их с ритмом и восстановила привычную конструкцию.

Ильян смотрел на экран, но ближе не наклонялся.

— Значит, моя запись подставила слова.

— Похоже на то.

— Не похоже, Севрин. Так и есть.

Севрин убрал руку. По натянутым скулам пробежала тень усталости, которую он не успел спрятать.

— В профиль включены речевые данные, — сказал он. — Они должны были помогать системе подбирать устойчивые соответствия.

— Должны были? — переспросила Нера.

— Так это было описано в лицензии.

— А фактически?

Севрин помедлил.

— Фактически система использовала их как словарь.

— Словарь, в котором есть наши личные записи, — сказал Ильян.

— Да.

— И вы знали?

— Я знал, что записи могут влиять на расшифровку. Не знал, что настолько сильно.

— Вы оставили функцию включённой.

Севрин снял перчатку совсем и положил рядом с терминалом.

— Да.

Нера молчала, разглядывая метки происхождения, пока слова не перестали казаться отдельными предметами и не превратились в ряд светлых полос. На входе сохранялась всё та же последовательность импульсов. Всё остальное добавлялось уже при обработке.

— Следующий профиль, — произнесла она.

— Мой? — спросил Севрин. В голосе не осталось прежней уверенности.

— Ваш.

Он вставил чип сам. Затем помог Нере очистить рабочую память. Исходник сверили ещё раз. Короткий участок снова прошёл через декодер.

Тишина длилась чуть дольше.

— Не запускай защитный массив. Сохрани остаток.

Севрин замер.

Ильян первым перевёл взгляд с динамика на старого учёного.

— Это тоже из записей?

— Вероятно, — ответил Севрин.

Нера открыла происхождение слов. Маркеры совпадали с фрагментами его личных заметок: диктовок, коротких распоряжений, записей, сделанных в лаборатории до запуска защитного массива. На экране не было целой исходной фразы, которую можно было бы поставить рядом и сказать: вот откуда она взялась. Только кусочки, склеенные машиной вокруг ритма, не знавшего ни «остатка», ни «защиты».

Севрин прочёл их молча. Линия у рта стала глубже.

— Вы слышали это прежде? — спросила Нера.

— Нет.

— Вы произносили эти слова?

Он медленно покачал головой.

— Отдельные слова — да. Не так.

— Тогда вы не можете считать услышанное признанием.

— Не считаю.

— Но звучит оно так, будто система знает, чего вы боитесь.

Севрин отвёл глаза от дисплея.

— Система знает, что я записывал.

Ильян провёл ладонью по затылку, оставив волосы всклокоченными.

— На этом этапе она знает о нас больше, чем сигнал.

— Нет, — сказала Нера. — Она знает наши архивы. Это разные вещи.

— Ты всегда умела различать похожие вещи.

Он произнёс это мягко, но она услышала в словах не похвалу. Между ними всё ещё лежало то, чего Ильян не объяснил до конца и чего она не могла вытащить из его молчания силой.

— Не пытайся сейчас говорить от моего имени, — сказала она.

Он опустил руку.

— Не пытался.

Севрин отключил третий профиль и задержал пальцы на панели, словно боялся увидеть результат следующего запуска.

Нера коснулась панели пустого профиля.

— Убираем личные данные полностью. Никаких голосовых слоёв, архивов и калибровок оператора.

— Останется общий словарь, — сказал Севрин. — Иначе декодер выдаст одну акустическую карту.

— Пусть сначала выдаст её.

Ильян посмотрел на неё.

— Если там действительно речь, без словаря мы её не услышим.

— Если там действительно речь, она должна пережить отсутствие наших биографий.

Севрин очистил отдельный профиль и отключил от него все личные данные. Нера проверила, что система не подхватила автоматически её собственный профиль из сохранённого сеанса, затем снова сверила входной массив: время фрагмента, положение импульса, контрольную сумму.

Всё совпадало.

На этот раз динамик не ожил.

Экран выдал сухую строку: «Периодический сдвиг. Три импульса. Повтор — неустойчивый». Ни имени, ни просьбы, ни даже грамматической конструкции. В глубине шума по-прежнему прослеживался ритм, подтверждённый независимым гравиметром. Сигнал не изменился; исчезло лишь лицо, которое система ему приписывала.

Ильян первым нарушил тишину:

— Пустой профиль не слышит Арсена.

— Пустой профиль не слышит никого, — сказала Нера.

Севрин смотрел на нейтральную расшифровку, и усталость в его лице больше не скрывалась за профессиональной сосредоточенностью.

— Возможно, декодер заполняет пропуски тем, что находит в данных оператора, — сказал он.

— Не пропуски. Он выдаёт завершённые слова. А потом мы начинаем искать им место в собственных воспоминаниях.

Севрин ничего не ответил.

Нера переключилась между четырьмя результатами. Один входной фрагмент оставался неизменным; профили менялись, и вместе с ними возникали разные истории. Для неё — голос брата и приказ не возвращаться. Для Ильяна — коридор, корабль, спасательная операция. Для Севрина — защитный массив и цена решения. В пустой ячейке оставались период и повторение.

Никто из них не назвал ни одну версию правдой.

— Сколько раз система выдавала такие слова в Эвриде? — спросила Нера.

— Я не знаю, — ответил Севрин.

— Вы создавали расшифровщик.

— Я знаю его архитектуру. Не каждую запись, к которой ему открыли доступ.

— Это удобно.

— Да.

Его согласие не принесло облегчения — напротив, Нера разозлилась сильнее, чем разозлило бы оправдание.

— Почему вы не отключили личные архивы, когда увидели первые совпадения?

Севрин сложил руки на столе.

— Фрагменты выглядели убедительно. Некоторые совпадали с тем, что я ожидал услышать. Я хотел, чтобы сигнал имел смысл.

— Не просто смысл, — сказал Ильян. — Ответ.

Севрин посмотрел на него.

— Да.

В комнате шумел воздуховод. Где-то за переборкой изменился тон двигателя. Нера взглянула на панель корабля: «Меридиан» продолжал идти к Лакуне. На карте не появилось ни нового маршрута, ни чужой отметки.

— Мы не будем отправлять эти фразы Астену как расшифровку, — сказала она.

— Он уже закрыл независимый доступ к автономным измерениям, — напомнил Севрин.
— Если команда дойдёт до колониальной сети, её могут заблокировать. Или заменить индексами из центрального архива.

— Мы не в сети, — отозвался Ильян.

— Сейчас. При синхронизации локальный допуск может исчезнуть. На корабле осталась копия полномочий, но она не защитит каждый файл.

Нера сняла служебный жетон с терминала и положила на ладонь. Возле крепления на поверхности темнела полоса от старой царапины. Полная сетка находилась и на жетоне, и в командном архиве «Меридиана», но саму папку уже окружали программы доступа, созданные Эвридой.

— Сохраню исходный массив отдельно, — сказала она.

Севрин подался вперёд.

— Без декодера?

— Без его словаря. Без личных профилей. Без присвоенных меток.

— Я могу подготовить контейнер.

— Подготовьте только пустой накопитель.

Он кивнул.

Ильян вышел в коридор и вернулся с небольшим ударозащищённым накопителем из бортового набора. Нера осмотрела корпус, проверила заводскую пломбу и вскрыла её. Перед ними лежала простая память, не подключённая к колониальному архиву.

Они записали на неё исходную сетку и один короткий фрагмент. Нера не позволила системе приложить текстовые подписи. Севрин сам отключил автоматическое формирование каталога; пальцы у него едва заметно дрожали, но на панели он не ошибся ни разу.

При проверке контрольные суммы совпали.

— Вот это мы и понесём к Лакуне, — сказала Нера.

— А профили? — спросил Ильян.

Она посмотрела на футляр. Три чипа лежали в своих ячейках, словно ничего не произошло. Словно их прошлое только что не использовали как готовую маску для космического шума.

— Останутся запечатанными.

— А если понадобится проверить ещё раз?

— Тогда решим, что именно проверяем.

Севрин потянулся к футляру.

Нера накрыла его ладонью.

— Не сейчас.

Он убрал руку.

За дверью лаборатории мягко гудел «Меридиан». До удара у Эвриды оставалось меньше семидесяти пяти часов. Для колонии это был обратный отсчёт; для них — напоминание о цене каждого часа вдали от центрального архива.

Ильян опёрся бедром о край стола.

— Оставишь пустой профиль до Лакуны?

Нера подключила накопитель к отдельному разъёму, сверила содержимое и вынула его. Маленький корпус успел нагреться после записи.

— Я оставлю сырой сигнал.

Она убрала накопитель во внутренний карман и застегнула клапан. Затем извлекла из считывателя чип Севрина, вернула его в футляр и защёлкнула крышку. Пустую ячейку оставила в системе.

— Без слов, — сказала она.

Ильян перевёл корабль на следующий участок курса. Нера следила не за тем, как исчезают профили с экрана, а за исходными импульсами: они всё так же проходили через пустой канал, ровные и безымянные.

Отстыковка

Отстыковка

Последний импульс на экране ещё не успел погаснуть, когда пол лаборатории вспыхнул красным.

Гул «Меридиана» за переборкой изменился: вместо ровного корабельного дрожания пришла короткая, тяжёлая вибрация.

Нера подняла глаза на контрольную панель. Три ровные линии нейтрального сигнала всё так же мерцали на экране, не зная ни имени, ни голоса. На внешней схеме мигнул значок «Меридиана»: корабль уже миновал штатный пирс и отошёл в короткий внешний коридор. Обычные доковые лапы остались раскрытыми на пустом месте. Центральное управление включило аварийный уловитель — из сервисной рамки выстрелил буксирный трос, поймал кормовую скобу судна и потянул его обратно. Магнитные захваты рамки сомкнулись на усиленных креплениях корпуса. Лебёдка сбросила натяжение и убрала трос в катушку; рывок остановки отдался по переборкам лаборатории и корпусу корабля.

Поверх линий загорелась белая надпись:

РЕЖИМ ЗАПРЕТА НА ЗАПУСК. ДОКОВЫЙ СЕКТОР ПЕРЕВЕДЁН ПОД ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Под надписью проступила подпись: Астен Корр.

— Он включил аварийный уловитель, — сказал Севрин.

Ильян уже оттолкнулся от края стола. Взгляд метнулся к двери, за которой находился переход в обслуживающий рукав. Курс на Лакуну был проложен, но станционная лебёдка успела втянуть «Меридиан» обратно к внешней сервисной рамке. Теперь корабль держали магнитные захваты.

— Как быстро? — спросила Нера.

— Наружный шлюз закрывается сейчас. Внутренний — через четыре минуты.

— А если дверь заперта?

— Тогда у нас будет три минуты на поиск другого выхода.

Ильян не стал ждать ответа. Пересёк лабораторию и приложил ладонь к панели. Замок отозвался ровным отказом: свет погас, и в стекле отразилось его лицо — сжатая челюсть, неподвижные глаза.

Нера вынула жетон с исходным массивом из отдельного разъёма и проверила защёлку внутреннего кармана. Исходные данные оставались на её жетоне и в командном архиве. Футляр с тремя чипами лежал на столе, закрытый. Нера на миг задержала на нём взгляд, потом достала из настенного отсека чистую аварийную пластину для передачи данных.

— Севрин.

Он уже читал приказ на соседнем экране. Его имя стояло в отдельной строке: «Орт, Севрин. Доставить в центральный архив для защиты и опроса». Под текстом медленно вращался знак охранного сопровождения.

— Это называется защитой? — спросил Ильян, не оборачиваясь.

— Сегодня — да, — ответил Севрин. — Завтра, возможно, я подберу для этого слова точнее.

Он говорил ровно, почти как на лекции, но пальцы стиснули край планшета так, что побелели суставы.

Нера вставила чистую пластину в передатчик. Подключила к нему свой жетон напрямую, минуя декодер, и выбрала только исходные отметки: без личных записей, голосовых профилей и попыток перевести сигнал в слова. Полоса копирования поползла по экрану.

— Ты собираешься отдать ему данные? — спросил Ильян.

— Копию. Оригинал останется на моём жетоне.

— Он знает, что с ними сделал.

— Именно поэтому ему нужно их увидеть.

Севрин не потянулся к пластине.

— Если ты передашь мне это, я смогу испортить и эту версию. Как и первую.

— Тогда я узнаю об этом по двум экземплярам, — сказала Нера. — Не по одному.

Её рука замерла над панелью. Тепло жетона ощущалось даже сквозь перчатку. Девять лет Нера вслушивалась в шум, находя в нём невозможное; теперь она знала, как система подсовывала ей знакомый голос. И всё же копию она передавала человеку, который помог этому случиться.

Она нажала подтверждение.

Пластина высунулась из слота. Нера вложила её Севрину в ладонь.

— Здесь только сырой сигнал. Он не открывает чипы и не запускает расшифровщик.

— Я понимаю разницу.

— Ты говорил так и раньше.

Он опустил взгляд на пластину, словно та весила больше, чем должна. Потом осторожно убрал её во внутренний карман.

— Да, — сказал он. — Говорил.

Под ладонью Ильяна панель мигнула зелёным, но дверь не открылась. На центральном табло возникла новая строка: «Ручное обслуживание запрещено. Разрешение требуется от управляющего сектора».

— Есть обход, — произнёс Ильян.

Он расстегнул куртку и достал плоский металлический жетон на коротком шнуре. На краю стёрлась маркировка спасательной службы; в углублении ещё можно было разобрать его фамилию и старый номер допуска.

Нера узнала жетон. Во время той операции, после которой исчез «Шёпот», Ильян уже держал его в руках. Тогда он казался всего лишь частью формы — такой же вещью, как перчатки или ремень. Теперь Ильян провёл большим пальцем по затёртому краю, и металл тускло блеснул, будто сохранил тепло его ладони.

— Его давно могли отозвать, — сказала Нера.

— Сетевой доступ — могли. Местный аварийный контур — нет.

— Почему?

— Потому что люди застревают за такими дверями.

— И сейчас мы просто воспользуемся спасательным протоколом?

— Сейчас мы откроем дверь.

Он опустил жетон в гнездо ручного обслуживания. Панель поглотила его почти целиком. На экране появилось предупреждение: аварийное освобождение будет записано в доковый журнал с указанием пилота и судна.

— Если запись сохранится, Астен узнает, кто нарушил приказ, — сказала Нера.

— Он и так знает.

Ильян прижал два выступа на корпусе панели, одновременно повернул жетон и потянул его на себя. Под пальцами щёлкнуло. В недрах переборки загудел механизм — сперва неохотно, затем со скрежетом.

Дверь отъехала на ширину ладони и застыла.

Ильян выругался сквозь зубы.

— Ручной фиксатор, — сказал Севрин. — Справа от рамы, за защитной крышкой.

— Ты знаешь этот док лучше меня?

— Я проектировал его тепловой контур.

— Надеюсь, ты не спрятал там ничего, что взорвётся.

— Это зависит от определения взрыва.

Нера сорвала крышку. Под ней обнаружилась рукоять с пломбой. Ильян сломал её, обхватил рукоять обеими руками и потянул. Дверь дрогнула; за ней показалась узкая полоса тёмного перехода. В щель ударил холодный воздух с запахом озона и смазки.

Сигнал закрытия дока сменился долгим пронзительным тоном. На панели отсчитывались две минуты сорок секунд.

— Вперёд, — сказал Ильян.

Нера первой пересекла порог. Севрин задержался у стола и посмотрел на лабораторию: на футляр с запечатанными чипами, пустой разъём и экран, где безымянные линии продолжали мерцать поверх красного предупреждения.

— Если вернёшься, футляр заберут, — сказала Нера.

— Знаю.

— Не позволяй им сделать вид, будто чипы ничего не значат.

Он посмотрел на неё.

— Ты уже решила, что я уйду с вами?

— Нет. Я решила, что не буду решать за тебя.

Севрин шагнул в переход. Дверь за его спиной со стоном сомкнулась, и лаборатория исчезла.

Обслуживающий рукав был тесен для троих. По стенам тянулись кабели в толстой изоляции, под ногами дрожал металлический настил. В конце коридора, за внутренним люком, начинался доковый отсек. Сквозь узкое смотровое окно Нера увидела бок «Меридиана» в аварийной рамке внешнего рукава. Магнитные лапы сжимали усиленные сервисные скобы, а от борта к стеновой шине тянулась яркая линия питания.

Люк не поддавался на ручную команду.

— Ильян, — сказала она.

— Вижу.

Он достал спасательный жетон и снова вставил в гнездо. На этот раз панель ответила не отказом, а долгой паузой. Затем вывела старую эмблему службы спасения, местами стёртую, и перечень аварийных действий. Ильян выбрал механический доступ.

Переход качнуло. Замки люка один за другим втянулись в стену.

— У тебя двадцать секунд, — сказал Севрин, взглянув на индикатор.

— Откуда знаешь?

— Потому что я проектировал и этот контур.

— В следующий раз спроектируй без обратного отсчёта.

Ильян толкнул створку плечом. Та подалась.

В приёмном доковом отсеке было темно, если не считать аварийных полос вдоль пола и отражённых огней корабля. «Меридиан» висел в аварийной рамке обслуживающего рукава, зафиксированный двумя магнитными лапами. Под корпусом свисали тонкие шланги охлаждения и толстый силовой кабель. В глубине отсека глухо опускался наружный затвор.

Нера почувствовала, как воздух дрожит от работы приводов. Магнитные захваты держали корабль крепче обычных доковых замков: распределяли нагрузку на корпус и не давали судну соскользнуть при перебоях гравитации. Удобная система, пока кто-то не решит, что тебе нельзя уходить.

Ильян бросился к трапу.

— Севрин, ты можешь открыть внутреннюю аварийную шину?

— Могу. Но придётся отключить стационарный контур.

— Отключай.

— Тогда сектор останется без резервного освещения.

— Здесь только мы.

Севрин взглянул на красные полосы под ногами.

— В этом секторе ещё двое техников. Они проверяют радиаторный блок.

Ильян замер.

— Где?

— В нижней сервисной нише.

На секунду молчание стало плотным, как закрытая дверь. Ильян повернулся к панели у основания рукава.

— Нера, проверь связь с ними.

Она уже открывала внутренний канал. Ответ пришёл после двух вызовов: хриплый голос техника сперва не разобрал вопрос, потом сообщил, что они за радиаторным отсеком и выбе- рутся через служебный тоннель. Их путь не пересекался с кораблём.

— Выйдут сами, — сказала Нера. — Дай им минуту.

— У нас нет минуты, — отозвался Ильян.

— Теперь есть. Ты не отключишь весь контур, пока они там.

Его рот дёрнулся, будто он хотел возразить, но он лишь убрал ладонь с панели.

Севрин уже пробирался к боковому пульту. Он двигался медленнее остальных, без суеты обходя кабели, словно знал, где заканчивается каждый. Нашёл отдельный переключатель сер- висной шины, сверил маркировку, перевёл контур на локальное питание и только потом пога- сил доковый канал.

Половина аварийных полос замерцала. Свет не исчез, но стал тусклым и неровным.

— Вот теперь, — сказал он.

Они пересекли отсек. Нера поднималась по трапу за Ильяном, когда за смотровыми окнами скользнула белая полоса света. Из соседнего ангара вышел охранный челнок. Его носо- вые прожекторы качнулись, нащупывая цель, и остановились на «Меридиане».

— Астен не теряет времени, — произнёс Севрин.

— Он не может отдать нам корабль, — сказала Нера.

— Не может — и не отдаёт.

Челнок развернулся боком, выставляя два захвата для принудительной стыковки. На кор- пусе вспыхнули предупреждающие огни. Он не был рассчитан на погоню в открытом космосе: ему хватало подойти к судну у пирса, заблокировать двигатели и дождаться команды.

Ильян захлопнул за ними шлюз «Меридиана».

Внутри корабля пахло нагретой изоляцией и знакомой сухостью фильтрованного воз- духа. Нера прижала ладонь к стене: та едва заметно вибрировала. Она знала этот звук — не ход двигателей, а работа бортовых насосов, пока запитанных от дока.

— На места, — бросил Ильян.

Нера заняла боковое кресло у навигационной панели. Севрин остался у люка.

— Тебе нужно в центральный архив, — сказала Нера.

— По приказу — да.

— А по собственному решению?

Он посмотрел на закрытый шлюз, затем на ладонь, в которой ещё чувствовалась холодная поверхность переданной пластины.

— Если вернусь, меня изолируют от данных. Возможно, на этот раз справедливо. Если уйду с вами, останусь ответственным за то, что сделал, но уже не смогу прикрыться приказом.

— Ты не обязан лететь.

— Я знаю.

Севрин снял с шеи служебную карту и положил её на узкую полку у люка. Карта скольз- нула на пару сантиметров и остановилась у бортика. Он не сломал её и не бросил в шлюз — просто оставил там, где её найдут, если кто-нибудь войдёт следом.

Потом прошёл к креслу за Нерой и пристегнулся.

— Я не прошу прощения, — сказал он.

— Хорошо, — ответила она. — Я не собиралась принимать его на бегу.

Ильян опустил в пилотское кресло. Перед ним светилась карта маршрута к Лакуне, рядом серело поле отказа: «Старт заблокирован управляющим сектором». Он вынул жетон из кармана и вставил в гнездо под панелью управления.

— Это старый допуск? — спросил Севрин.

— Да.

— Его могли признать недействительным.

— Тогда узнаем.

Ильян ввёл короткую последовательность, отпустил рычаг и снова потянул. Пилотская панель погасла, затем ожила на резервном питании. На экране появилась схема корабля и три красные отметки: магнитные лапы, внешняя силовая линия, ручной зажим кабеля.

Внизу мигнуло предупреждение: «АВАРИЙНОЕ ОТСТЫКОВАНИЕ. ПИЛОТ: И. РО. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛОЖИТЬ НА КОМАНДИРА СУДНА».

— Протокол не изменился, — заметил Севрин.

— К сожалению.

— Может, отключим питание и дождёмся, пока станция... — начала Нера.

— Нет.

Ильян не повысил голос. В этом и заключалась разница: когда он говорил так, спор заканчивался не потому, что он считал себя правым, а потому, что видел, сколько времени осталось.

— Если ждём, челнок стыкуется. Если отключаем питание, бортовые замки останутся в зацеплении. Сбрасываем аварийный контур и идём на ручном.

Нера включила бортовой резерв. Под креслом зашипел аккумуляторный блок. На панели один за другим ожили жизнеобеспечение, связь, навигация. Двигательные установки остались в красном секторе.

— Резерв даст нам два коротких импульса, — сказала она. — Потом только инерция.

— Хватит, — ответил Ильян.

— На отрыв от рукава, может быть. На внешний коридор — нет.

— Сначала оторвёмся.

Снаружи белый прожектор охранного челнока резко качнулся. По борту «Меридиана» пробежал узкий блик и исчез. Челнок занял позицию для захвата.

Севрин наклонился к боковому экрану.

— Наружный контур уже закрывают. Если сорвёмся с лап, поле на выходе будет работать на полной мощности.

— Можно открыть аварийный канал на двенадцать секунд, — сказала Нера, найдя нужный пункт в меню. — Вот он.

— Одиннадцать, — поправил Севрин. — Система отнимает секунду на проверку.

Ильян посмотрел на них обоих.

— Открой.

Нера положила руку на управление, но прежде чем нажать, взглянула на бортовой журнал. Последняя строка фиксировала запуск аварийного протокола и её служебный жетон, привязанный к измерительной лаборатории. Следом появится запись о копировании данных. Потом — о движении судна вопреки запрету.

— Всё это передадут на Эвриду, — сказала она.

— Да.

— Мой жетон, твой допуск, данные Севрина. Астену хватит, чтобы назвать нас угрозой.

— Он назовёт нас угрозой, что бы мы ни сделали.

Ильян положил ладонь на рычаг ручного управления.

— Открывай.

Нера нажала.

По корпусу прокатился сильный металлический удар. Магнитные лапы отступили на несколько сантиметров и тут же остановились — одна осталась защёлкнутой. «Меридиан» накренился; ремень врезался Нере в плечо. Севрин вцепился в подлокотники.

— Заклинило правую, — сказал Ильян.

— Подай короткий импульс.

— Не видишь, что она ещё держит?

— Вижу.

— Тогда молчи.

Он перевёл управление на ручное и отклонил корабль от оси рукава на едва заметный угол. Двигатели отозвались низким гулом. Нера почувствовала, как кресло тянет её вбок, а желудок на миг отстаёт от тела.

Правая лапа не отпустила.

— Внешний захват охранного челнока готовится к стыковке, — сказала Нера. — У нас меньше минуты.

— У нас есть силовой кабель.

— Если дёрнешь корабль на нём, снесёшь разъём.

— Да.

— Кабель ещё под напряжением.

— Уже нет. Я перевёл его на бортовой резерв.

На экране вспыхнула отметка: один кабельный зажим оставался активным. Ильян перебросил распределение мощности. Отключённые системы на корпусе вздрогнули, свет в кабине стал тусклее. Нера открыла схему внешнего питания и увидела, как последняя линия медленно гаснет.

— Теперь можно тянуть, — сказала она.

— Нет. Теперь можно рвать.

Он дал второй импульс.

Рукав вздрогнул, корабль дёрнуло вперёд. От места соединения с доком раздался скрежет, протянувшийся по корпусу, словно кто-то провёл железом по стеклу. Нера удержалась за подлокотник. На панели загорелся новый сигнал: кабель питания зацепился за защитный бортик и натянулся до предела.

Снаружи охранный челнок включил тяговые захваты.

«Меридиан» застыл.

— Они держат нас снаружи, — сказала Нера.

— А док — изнутри, — ответил Ильян. — Отличная команда.

Севрин отстегнулся.

— Ты куда? — спросила Нера.

Он поднялся и, придерживаясь за поручни, дошёл до панели резервного контура. На экране мигали три предупреждения, но он выбрал не самое яркое. Провёл пальцами по ряду переключателей, нашёл ручной сброс кабельного фиксатора.

— Если отключить зажим, он раскроется под нагрузкой, — сказала Нера.

— Знаю.

— Кабель может ударить по корпусу.

— И это знаю.

Севрин снял крышку панели. Пальцы у него дрожали, но движения оставались точными. Он остановился перед последним переключателем.

— Питание на участке дока и так отключено, — сказала Нера. — Не нужно подтверждать процедуру от имени колонии.

— Это не будет подтверждением. Это будет записью о том, что блокировку снял я.

Он переключил тумблер.

На миг ничего не произошло. Затем снаружи ударило так, что глухой стук прошёл через весь корабль. Кабельный зажим раскрылся. Силовая линия хлестнула по корпусу, оставив на металлической обшивке полосу искр.

— Лапа, — сказал Ильян.

— Держит, — ответила Нера.

Он сдвинул корабль вбок — едва-едва, так что изображение на обзорном экране сместилось на ширину нескольких пикселей. Потом добавил тягу. Захват оторвался с сухим треском. Магнитная лапа ушла в стену дока, а «Меридиан» качнуло в сторону.

Нера увидела, как охранный челнок пошёл на сближение. Между его носом и кораблём оставалось не больше двадцати метров.

— Затвор закрывается, — сказала она.

Наружная створка в глубине рукава начала сходиться. За ней мерцала защитная завеса внешнего поля — прозрачная только на вид, с голубоватой рябью, оставлявшей на стекле ложное отражение. Даже на таком расстоянии Нера ощущала, как меняется шум приборов: поле перетягивало фоновые помехи и дробило их на резкие всплески.

— Ильян, — произнесла она.

— Вижу.

Он опустил рычаг ручного управления до ограничителя. В носовой части загудели маневровые двигатели.

— Полного поля мы не выдержим, — предупредила Нера.

— Полного и не будет.

Севрин быстро взглянул на её экран.

— Можешь найти разрыв в фазе?

— Тут нет разрыва.

— Есть дрожание. Оно уже меняется.

— Если поймаю не тот участок, нас развернёт.

— Если не поймаешь — затвор нас раздавит.

Пальцы Неры пробежали по шкале. Не расшифровка, не голоса — только независимый ритм, снятый вручную, пока канал оставался пустым. Она вывела на экран задержки, совпадавшие с движением защитных генераторов. Сигнал шёл ровно, но теперь его края цеплялись за поле. Между соседними гребнями на миг возник узкий провал.

— Есть щель, — сказала она. — Слева от оси. Две секунды, не больше.

— Дай направление.

— Чуть ниже. Сейчас.

Ильян повёл корабль вручную. «Меридиан» стукнулся о направляющую, отскочил и на мгновение лишился ориентации. Нера ударилась плечом о панель. В кабине погасла половина дисплеев, но индикатор поля остался.

Охранный челнок врезался в створку дока носовым захватом. Его прожекторы метнулись по стенам. Между ним и «Меридианом» полыхнуло голубым — включился защитный контур.

— Две секунды! — крикнула Нера.

Ильян дал тягу.

Корпус отозвался длинным скрипом. Световая завеса ударила в него, и кабину залило белым. На миг Нера увидела собственные руки сквозь закрытые веки — тонкие кости, бледную кожу, след от ремня на ладони. Потом гул провалился ниже слышимого, а пространство вывернулось наизнанку.

Её желудок дёрнулся. Край панели поплыл, одна из ламп рассыпалась на несколько тусклых копий. Севрин беззвучно шевелил губами, будто произносил число. Ильян не отпускал рычаг.

«Меридиан» вышел из завесы с рывком.

Силовой кабель всё ещё тянулся за ними. На обзорном экране он блестел тонкой линией, уходящей обратно в раскрытый проём. Ильян не сбавил ход. Кабель натянулся, зазвенел и лопнул. Оборванный конец ударил в край внешнего поля, рассыпался искрами и замер в пустоте, медленно вращаясь, как обугленная ветка.

— Мы свободны? — спросил Севрин.

— Мы отделились, — сказал Ильян. — Это разные вещи.

Нера посмотрела на карту. «Меридиан» уходил от Эвриды по дуге, заданной вручную; его положение ещё не стабилизировалось. Позади станция сияла тревожными красными огнями, целые ряды которых загорались один за другим. Между ними двигалась крошечная белая точка охранного челнока. Он не успел пройти через закрывающийся доковый проём, но оставался на орбите.

На панели мигнула запись об аварийном освобождении. Рядом высветились три отметки: пилот, специалист по гравитационным сигналам, астрофизик. Не пассажиры и не случайные свидетели. Люди, чьи действия теперь станут частью официального отчёта.

Севрин вынул пластину с копией и проверил, не треснул ли корпус. Нера не попросила её вернуть. Ильян выровнял корабль и наконец отпустил рычаг, но пальцы всё ещё оставались сведёнными, будто он продолжал удерживать тягу.

Эврида уменьшалась на экране. Её красные огни тревоги уже не складывались в узор защитного контура — только в неровную россыпь, обращённую к ним.

Впереди два дальних излучателя прочертили пространство узкими полосами света. Лучи двигались навстречу друг другу, сходясь на траектории «Меридиана». На секунду между ними открылся тёмный промежуток — без блика, без помех, без отражения корабельных огней.

Нера наклонилась к экрану.

Чёрное окно осталось открытым, хотя оба луча уже прошли мимо.

Окно между лучами

— Оно не закрывается, — сказала Нера.

Автоматическая карта перечеркнула тёмный промежуток тонкой зелёной линией, словно два луча и впрямь прошли мимо, оставив после себя лишь пятно на датчике. Ильян на карту не смотрел. Он следил за внешней камерой: звёзды обрывались у края тёмного окна — неподвижные, резкие.

— Автопилот предлагает пройти через него, — сказал он. — Значит, автопилот пока помолчит.

Он отключил навигационную сетку. Под ладонью щёлкнул фиксатор ручного управления, корабль перестал подрагивать в такт невидимым подсказкам. На экране вспыхнуло предупреждение о потере автоматического сопровождения.

Красные огни Эвриды всё ещё горели далеко позади. Белая точка челнока держалась на орбите — слишком малая, чтобы разглядеть её движение, но достаточно яркая, чтобы напомнить: станция видит их и пока не может вернуть.

Севрин держал копировальную пластину обеими руками. Провёл большим пальцем по герметичному краю, проверяя, не разошёлся ли корпус от вибрации.

— Внешний источник не фиксируется, — сказал он. — Ни по температуре, ни по отражению. Возможно, провал в видимом диапазоне...

— Если вы скажете «возможно, пустота», я назначу вас смотреть в иллюминатор, — отозвался Ильян.

— Я не собирался говорить «пустота».

— Вот и хорошо. Пустоте и без нас приписывают слишком много.

Нера не отрывала взгляда от записи. Тёмный участок оставался на всех трёх внешних каналах: в видимом диапазоне, на радиочастоте и на гравитационной сетке. На последней он выглядел не провалом, а тонкой дугой, едва заметной среди следов прошедших лучей.

— Оно поглощает не всё, — сказала она. — Иначе сетка не зацепилась бы за край.

— Значит, не пустота, — заключил Ильян.

— Значит, мы пока не знаем, что именно видим.

— Вот это уже рабочий ответ.

Он потянул рычаг на себя. «Меридиан» медленно отвернул нос от невидимого окна. Резкий манёвр увёл бы корабль под один из полосовых излучателей, чьи следы тянулись впереди тонкими голубовато-белыми дугами. Пространство между ними казалось гладким и чистым, но на камере звёздный фон дрожал у самых краёв световых полос.

— Насколько близко к первому? — спросил Ильян.

Нера увеличила схему и свела вместе две сетки. Их линии расползлись, словно тонкие царапины на стекле.

— По прямой — безопасно. По расчёту карты тоже.

— Ты сейчас сказала «по расчёту карты».

— Я проверяю.

— Проверяй быстро. Край луча уже движется не туда.

На основном экране он и впрямь смещался — медленно, почти лениво. Приборы ещё не успели заметить перемену, а полоска света уже ушла относительно звезды, которую Ильян выбрал ориентиром.

Нера сдвинула окно автоматической модели в сторону.

— Карта предполагает, что оба излучателя движутся в одной плоскости.

— А они нет.

— Не совсем. Один луч проходит ближе к Керну, второй отстаёт на долю оборота.

— Доли оборота у меня нет. У меня есть корабль, который скоро окажется там, где карта обещает безопасный коридор.

— Тогда смещайся на три градуса к левому борту. Сейчас.

Ильян не переспросил. Рычаг ушёл влево, четыре боковых двигателя коротко толкнули «Меридиан», и ремни впились Нера в плечи. В висках загудело, затем тяжесть отступила.

По камере край полосы проплыл мимо — не там, где его рисовал автопилот, а прямо над прежней траекторией корабля.

— Хорошо, — сказал Ильян. — Теперь у карты появился соперник.

— У карты неточной исходной плоскости.

— Я примерно это и сказал.

Севрин поставил пластину в считыватель на боковой панели, но пальцев не разжал. На экране возникла копия исходной сетки — той, что они вывезли с собой. Никаких эмоциональных подписей, ни голоса, ни имени: только сохранённые отметки и неровность сигнала.

— Если пойдём между лучами, нельзя считать промежуток безопасным только потому, что он тёмный, — произнёс Севрин. — Излучение может рассеиваться на пыли или плазменных следах.

— Это я и так знаю, — бросил Ильян.

— Вы знаете, что бывает опасно. Я уточняю почему.

— Причина на моей стороне кресла ничего не меняет.

Нера заметила, как старик замолчал. Он так и не убрал пальцы с пластины, будто боялся, что та выскользнет и разобьётся. В последние часы Севрин не раз брал её в руки, но так и не открывал запись. Теперь перед ним снова лежал сырой материал, не желавший подчиняться красивым словам.

— В чёрном участке тоже нет гарантии, что нас не видят, — сказала она. — Камера показывает отсутствие света. О поле она ничего не говорит.

— Первая ошибка, — пробормотал Севрин.

Ильян взглянул на него через плечо.

— Вы ведёте счёт?

— Пытаюсь удерживать нас от повторения чужих ошибок.

— Тогда удерживайте корабль от луча. Счёт оставьте на потом.

Они двинулись вдоль световой полосы, не пересекая её траекторию напрямую. Ильян подправлял курс короткими импульсами; каждый раз, когда автоматическая карта подсовывала зелёный участок, он искал на внешнем экране движение, ещё не попавшее в расчёт. Нера следила за краями излучения и отмечала промежутки между вспышками. Севрин сверял текущий ритм с пластиной, не включая расшифровщик.

В 18:46 ударил первый луч — по нижней части защитного поля. По корпусу прокатился глухой шелест, ощутимый скорее костями, чем ушами. На панели вспыхнула полоса предупреждений, но ни один индикатор не перешёл в красную зону.

Ильян повёл корабль по дуге, не приближаясь к световому следу.

— На два градуса вниз.

— Там край рассеянного потока, — предупредила Нера.

— Вижу.

— По карте там чисто.

— Вот поэтому и вижу.

Он увёл «Меридиан» ниже. Через несколько секунд на внешней камере засверкали крошечные точки, словно кто-то рассыпал по чёрному полотну серебряную пыль. Они прошли в нескольких километрах сбоку, не задев корпус, но датчики тут же отметили поток заряженных частиц.

— Значит, ждать, пока яркая часть уйдёт, нельзя, — сказала Нера.

— Кто-то предлагал ждать? — спросил Ильян.

— Автоматика.

— Пусть подождёт вместе с нами.

Нера сверилась с показаниями. У полосы было два края: видимый, жёсткий, и слабый, вытянутый шлейфом. Система рисовала между ними просторную область, которой в действительности не существовало. «Меридиан» шёл по самой узкой щели, где поле не было напряжённое, но продолжало искривлять слабые отражения дальних источников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.